

На правах рукописи

ЛУНКИН РОМАН НИКОЛАЕВИЧ

**РОЛЬ ХРИСТИАНСКИХ ЦЕРКВЕЙ ЕВРОПЫ В РАЗРЕШЕНИИ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ**

Специальность 23.00.02 – «Политические институты, процессы и технологии»

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание
учёной степени доктора политических наук

Москва - 2018

Работа выполнена в Центре по изучению проблем религии и общества Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт Европы Российской академии наук».

Научный консультант: **Красиков Анатолий Андреевич**,
доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФГБУН
«Институт Европы РАН»

Официальные оппоненты: **Каргина Ирина Георгиевна**,
доктор социологических наук, профессор
кафедры социологии Федерального
государственного автономного
образовательного учреждения высшего
образования «МГИМО (У) МИД РФ»

Митрофанова Анастасия Владимировна,
доктор политических наук, профессор
Департамента политологии Федерального
государственного образовательного
бюджетного учреждения высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве
РФ»

Прохоренко Ирина Львовна,
доктор политических наук, заведующий
сектором международных организаций и
глобального политического регулирования
Федерального государственного бюджетного
научного учреждения «Национальный
исследовательский институт мировой
экономики и международных отношений имени
Е.М. Примакова РАН» (ИМЭМО РАН)

Ведущая организация: **Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской
академии наук (ФНИСЦ РАН)**

Защита состоится « 19 » декабря 2018 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д.002.031.02 при Институте Европы Российской Академии наук по адресу: 129993, г. Москва, ул. Моховая 11, стр. 3.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института Европы РАН и на сайте www.instituteofeurope.ru.

Автореферат разослан « ___ » _____ 2018 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат политических наук

Фёдоров Сергей Матвеевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Актуальность выбранной темы обусловлена значительной ролью христианских церквей в общественно-политической жизни на европейском пространстве в контексте развития политических систем различных стран Европы, а также в рамках современных дискуссий о будущем Европы и ее христианской идентичности. Самые разные христианские конфессии – католики, православные, различные направления протестантизма – активно участвуют не только в традиционных сферах своей деятельности (богослужение, миссионерские акции, приходская активность), но и в разрешении насущных проблем, которые стоят перед гражданами (широкая социальная деятельность), оказывают влияние на государственные институты, партии и движения, выборный процесс. Начало XXI в., период, которому посвящено данное исследование, дает богатый материал для исследования роли церквей как общественных институтов со своими интересами и способами решения социально-политических проблем. Это связано с обострением в этот период целого ряда вопросов, связанных с миграцией населения (внутренней мобильностью населения и иммигрантами), восприятием религиозности в обществе, проблемами безопасности и квазирелигиозного терроризма на фоне страхов, связанных с изменением этно-религиозного состава общества. Немаловажно, что со значением христианства (в культурном аспекте и в деятельности церковных институтов) также связана проблема кризиса общественной солидарности и доверия демократическим институтам. Церкви большое внимание уделяют солидарности в рамках своих общин (это ярко выражено, к примеру, в заявлениях представителей Католической церкви), и прямо или косвенно провозглашают свою общинную солидарность в качестве основы сбалансированной демократической системы.

Следует отметить, что при всей формальной или неформальной исключенности из политического истеблишмента, который отвечает требованиям абсолютной секулярности, представители различных церквей были политически активны как в ходе формирования современных национальных государств в XIX-XX вв., так и во время становления идеи «единой Европы» и самого Европейского Союза в послевоенный период. Христианские церкви в той или иной степени одобрили Лиссабонский договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества 2007 г. В период наибольшей секуляризации европейского общества христианские церкви смогли сохранить свои позиции. Роль религии в Европе и, прежде всего, христианства, стала особенно значимой в контексте сохранения и защиты национальной и культурной идентичности после распада СССР. Вместе с тем, как политики, так и церковные иерархи отмечают кризис христианской идентичности Европы.

Объектом исследования являются христианские конфессии Европы, церковные и околоцерковные организации и группы, движения, которые

активно участвуют в общественно-политической жизни и формируют мировоззрение и основные формы гражданской активности верующих.

Предметом исследования является социально-политическая деятельность церковных и околоцерковных организаций в современной Европе.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала 2000-х гг. до 2018 г., что позволяет увидеть динамику развития политической роли церковных организаций в период роста влияния религиозного фактора на международной арене, а также политической трансформации в Восточной Европе (роль церквей в ходе демократического транзита в Украине, Белоруссии, России) и миграционного кризиса в ЕС.

Территориальные границы исследования охватывают как государства, которые входят в Европейский Союз, так и те, которые остаются за его рамками. Исследование включает в себя весь европейский континент, включая Россию, которая территориально, конечно, выходит за географические рамки Европы. Вместе с тем, исходя из своих исторических и культурных связей, Россия от Калининграда до Владивостока является пространством, которое всецело принадлежит европейской культуре и ощущает близость более к европейским демократическим ценностям, чем к каким-либо другим.

Гипотеза исследования состоит в том, что социально-политическая активность христианских церквей является значимым идеологическим фактором, благодаря тому, что христианство представлено в обществе не только в виде церковных структур, но и в виде конгломерата околоцерковных организаций и сетевых структур, ставших частью системы гражданских институтов. В рамках демократической системы появился новый тип церковной политической деятельности – церковный гражданский активизм.

Цель исследования – выявить социально-политическую роль христианских церквей (католицизма, православия, протестантизма, но среди протестантских течений автор делает акцент на новых евангельских направлениях, а не на лютеранстве¹) в разрешении наиболее значимых кризисов в современной Европе, своеобразии позиции церквей и новые формы гражданской активности церковных и околоцерковных организаций.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

¹ Автор выбрал евангельский протестантизм (баптизм, пятидесятничество, адвентизм и т.д.), поскольку он в наименьшей степени исследован, более многообразен и обладает более высокой миссионерской и гражданской мобильностью, чем государственные или полугосударственные Лютеранские церкви Европы. Это не умаляет ценности лютеранства среди других христианских церквей. Политической и социальной роли лютеранских церквей посвящен целый ряд фундаментальных исследований: Политика адаптации и интеграции иммигрантов в Швеции после второй мировой войны / Н.С. Плевако, О.В. Чернышева. М.: КРАСАНД, 2011.; Чернышева О.В., Комаров Ю.Д. Церковь в скандинавских странах. М.: Наука, 1988; Зудов Ю.В. Государство и церковь в Дании: история и современность // Новая и новейшая история. 2010. № 4. С.63-76; Зудов Ю.В. Церковь, государство и общество в современной Дании. М.: ИВИ РАН; Челябинск: Цицеро, 2011; Зудов Ю.В., Коновалов А.В. Запад и западное христианство на рубеже тысячелетий. СПб.: Юридический центр Пресс, 2011.

-выявить особенности эволюции политического мировоззрения христианских церквей;

-определить роль церковных организаций в общественно-политическом пространстве, соотнеся эту роль с количественными данными социологических исследований;

-выявить особенности проявления христианских церквей в обществе в качестве политических институтов и изменения в связи с этим мировоззрения церковного руководства на примере «государственных» и «негосударственных» церквей Европы, в зависимости от того, насколько те или иные церкви включены в политическую идеологию и систему власти той или иной страны;

-исследовать особенности деятельности околоцерковных общественных организаций в условиях политических кризисов;

-исследовать политическую идеологию и практику церковной социальной работы во время разрешения общественных кризисов, прежде всего, связанных с проблемой иммигрантов;

-выявить особенности политического мировоззрения церквей (представлений об общественной солидарности, гражданском долге, единстве европейского пространства) в контексте кризиса европейской идентичности в политическом дискурсе;

-определить степень гражданской активности и политического влияния церковных организаций на общество и государственные институты, способность разрешать кризисы в практической плоскости.

Положения, выносимые на защиту:

-христианские церкви успешно используют различные формы политической самоорганизации, создавая также и свои новые формы, становятся реальной общественно-политической силой, которая может действовать как косвенно, через своих активистов организации, так и прямо через официальных представителей церквей;

-церковные и околоцерковные организации стали частью демократического общества и проявляют себя как гражданские институты, наряду с некоммерческими организациями (особенно, это заметно на постсоветском пространстве);

-становясь частью секулярной демократической системы, церкви предлагают собственную политическую и социальную программу развития Европы: формируют новую наднациональную идентичность и сетевые формы религиозной деятельности, больше соответствующие глобальным вызовам, открытости и многонациональности европейского пространства, вызовам секуляризации, исламизации, религиозного плюрализма различных традиций и идентичностей;

-церкви различных направлений стали уникальным феноменом в постсекулярном обществе. Они стали гражданскими институтами, которые основываются на демократических ценностях, но при этом корректируют демократическую политическую систему (ее без или вненравственный характер

и бюрократическую политкорректность) в духе традиционализма, исходя из христианских моральных принципов и интересов церковной миссии;

-христианство сделало важным для благочестия, в определенном смысле сакральным, политический гражданский активизм, граждански окрашенное милосердие как основу общественной солидарности и проявления церкви в социально-политическом пространстве. Сакральной стала ценность гражданской свободы для всех людей, основанная на требованиях евангельского милосердия и соблюдении религиозных предписаний верующих в публичном пространстве (необходимых для их «жизненного мира»). Церкви предложили новое политическое мировоззрение ответственного гражданского христианства, в котором национальная идентичность играет уже не первую роль, скорее, церкви воспитывают приверженных демократическим ценностям христиан, среди которых есть как космополиты, так и традиционалисты, выступающие за сохранение локальных идентичностей.

-политическое влияние церквей как демократических институтов происходит в обстоятельствах конкурентной среды – наличия религиозного многообразия и соблюдения принципа религиозной свободы (кому-то это помогает развиваться, кого-то раздражает, а кого-то мало затрагивает). Их влияние зависит от того, какой образ религиозной демократии они предлагают обществу и насколько этот образ близок нуждам людей, отвечает их запросам, либо страхам и опасениям, восприятию окружающих угроз. Сложившаяся «религиозная демократия», как часть общей и остающейся секулярной демократической системы, может включать в себя и консервативный религиозный фундаментализм, и либеральную церковную теологию, и правые, и левые взгляды.

-отношения церковной иерархии со светскими политическими элитами носят более сложный характер, чем тогда, когда церковные деятели освящали королевскую или царскую власть вместе с соответствующей сословной иерархией, или солидаризировались с крупной буржуазией и авторитарными режимами XX века. На современном этапе, церкви (наиболее определенно в лице Католической церкви), признав ценность демократии в глобальном масштабе, получили новый инструмент для того, чтобы судить и оценивать власть предрержащих в различных государствах, переводя демократические ценности на язык христианской проповеди и богословия, социальной работы. На новом витке развития политических систем в Европе и государственно-церковных отношений христианские церкви и созданные ими институты стали олицетворением нового политического тренда: религии как фактора политического влияния, церковных институтов как носителей и источников политических идеологий, которые позволяют христианам разных конфессий и политических направлений защитить свои права и реализовать себя в качестве ответственных граждан окружающего общества.

Теоретическая и методологическая основа исследования

Методология исследования основана на принципах научной объективности и системности, которые предполагают, что все процессы

рассматриваются в контексте конкретной ситуации, а факты и события анализируются в совокупности, а не отдельно друг от друга. Теоретико-методологическую основу исследования составляет совокупность подходов и методов. Их выбор обусловлен спецификой исследуемой проблемы, и составляет сочетание политологического институционального подхода, теоретических школ социологии религии, теорий, которые интерпретируют роль религии в обществе, своеобразии современной религиозности и существования церковных институтов в постсекулярном обществе в рамках партиципаторной демократии (демократии участия), которая предполагает активное участие граждан и негосударственных институтов в политическом процессе².

Автор использует системный метод для всестороннего анализа внутренних связей между элементами политики как целостного организма, сравнительный метод для выявления и сравнения политических феноменов, чтобы понять их специфику и закономерности развития, социологический метод для анализа зависимости политики от религиозного фактора. Институциональный политологический подход применительно к религиозным институтам предполагает анализ мировоззрения, социальной деятельности и иной практики церковных и околоцерковных институтов в публичном пространстве, исследование особенностей взаимоотношения церковных институтов и религиозных активистов с другими общественными силами и с институтами власти.

С точки зрения методологии можно выделить социально-философский подход, который предполагает исследование места и роли религии в конструировании социальной реальности, повседневной жизни, национальной, культурной идентичности, легитимации политической власти. Социологический подход предполагает количественное (в рамках массовых общестрановых или региональных опросов) и качественное (в рамках социально-антропологических исследований – развернутых бесед-интервью с церковными лидерами, активистами, экспертных интервью) изучение религии.

В рамках всестороннего исследования роли христианских церквей Европы в разрешении социально-политических кризисов применяется междисциплинарный сравнительный метод, а также методы анализа эмпирических данных, количественных и качественных исследований, что позволяет верифицировать теоретические построения и выводы автора.

Автором также применялся социально-антропологический подход к анализу религиозной жизни в рамках полевых исследований на постсоветском пространстве, в опросах представителей органов власти и религиозных лидеров на территории России. На этом подходе основаны экспертные опросы, который предполагают использование метода проведения развернутых бесед (интервью) с респондентами, которые затем ложатся в основу аналитической статьи о религиозно-общественной ситуации и религиозной политике региона.

² Бусыгина И., Захаров А. Sum ergo cogito. Политический мини-лексикон. М.: Московская школа политических исследований, 2006. С.30.

Автором применялись методы контент-анализа для исследования публичных выступлений политиков, общественных и религиозных деятелей в средствах массовой информации, программных документов церквей, партий и общественных движений. Сравнительный метод в данном случае использовался для того, чтобы выявить особенности социально-политической позиции христианских церквей в различных странах Европы, а также для интерпретации данных социологических исследований, касающихся роли и влияния христианских церквей в Европе.

Источниковая база исследования

Источники, которые были положены в основу данного исследования, позволяют осветить данную тему максимально полно и с различных сторон. Автором использованы:

- официальные документы европейских стран и Евросоюза;
- официальные документы религиозных организаций, такие как энциклики римских пап и документы Второго Ватиканского собора, Социальная концепция Русской православной церкви;
- медиа-ресурсы религиозных организаций, печатные и интернет-издания;
- публицистика в средствах массовой информации религиозных авторов, журналистов, социологов и политологов, касающаяся исследуемой темы, которая имеет особое значение для данного исследования и помогает понять общественно-политический контекст, в котором действуют религиозные лидеры и восприятие их высказываний общественностью;
- публикации в средствах массовой информации, касающиеся общественно-политической роли церквей, высказываний церковных и светских лидеров, активистов и публичных дискуссий вокруг тех или иных религиозно-общественных или религиозно-государственных конфликтов;
- в основу работы также легли экспертные интервью о религиозно-общественной жизни в европейских странах, в том числе и в России. Российский материал социально-антропологических исследований стал итогом участия автора в проекте «Энциклопедия современной религиозной жизни России»³.

Автором также проводились отдельные специализированные исследования общественной и религиозной жизни, этно-конфессиональных конфликтов в России, Украине, Белоруссии, Прибалтийских государствах, Скандинавских странах, основанные как на экспертных интервью, так и на изучении многообразной источниковой базы разных стран.

³ В рамках проекта с конца 1990-х гг. было издано более десяти книг, включая три тома «Энциклопедии современной религиозной жизни России». В первой половине 2000-х гг. были опубликованы две ключевые части первой волны проекта: четыре тома анализа вероучения и практики отдельных религиозных конфессий, религий и движений «Современная религиозная жизнь России: опыт систематического описания» (2003-2006) и три тома региональных исследований «Атлас современной религиозной жизни России» (2005-2009). Промежуточные итоги проекта были опубликованы в сборнике аналитических статей «Религия и российское многообразие» (2012). Первые два тома «Энциклопедии современной религиозной жизни России» доступны на сайте Кестонского института (том I, том II).

Степень разработанности темы в научной литературе

Политическая роль христианских церквей в той или иной степени затрагивается в практически любой работе, которая посвящена анализу взаимоотношений религии, общества и политики, христианства, общества и политики. Однако следует отметить, что большая часть исследований связана с исторической ролью христианства, с государственно-церковными отношениями, законодательством в сфере религиозного законодательства и в меньшей степени с современной социально-политической ролью церквей. Кроме того, в современном контексте наибольшей популярностью пользуется рассмотрение значения христианской религии сквозь призму социологических теорий – социально-философских дихотомий секуляризации/десекуляризации, модерна/постмодерна, светского/религиозного (клерикального), публичной религии/деприватизации религии, религиозного плюрализма/монополии религии (дискриминации, отсутствия религиозной свободы). Все это богатство определений дает представление о сложности происходящих религиозно-общественных процессов с социологической перспективы. В научной литературе исследуемые проблемы анализируются с точки зрения самых разных дисциплин: философии религии, религиоведения (в виде оригинальной специальности существующего только на постсоветском пространстве, в западных университетах религия изучается в рамках богословия, истории, философии и социальных наук), истории религии, социологии религии, политологии, теологии (в России с 2017 г. присуждаются степени по теологии).

Тема церквей как политических институтов в современной Европе также затрагивалась в целом ряде работ, но не является настолько глубоко и всесторонне исследованной с точки зрения политологии религии как относительно новой дисциплины. Мировоззрение и деятельность различных церквей, социально-политическая позиция руководства в научной литературе представлены лишь фрагментарно. В рамках многочисленных исследований мы выделяем сферу исследования религии как политического института, поскольку политологический подход больше подходит к заявленным целям и задачам данной работы и позволит строго придерживаться методологии рассмотрения церквей как политических акторов в границах политического процесса.

Существует целый ряд тем, представленных в научной литературе, которые помогут понять степень и глубину разработанности темы данного исследования.

Религия в секулярном обществе

Социологическая оценка роли религии и присутствия церквей в социуме оказывает прямое влияние на представление (в масс-медиа и среди политиков) о политическом значении высказываний религиозных лидеров и значении самих религиозных институтов, и в частности христианских. Именно социология религии в XX в. определяла восприятие христианских церквей, глубоко исследуя личную религиозность, но умаляя гражданско-политические возможности церквей и религии в целом. Проблема восприятия секуляризации и отношения к религии в современном обществе затрагивалась в работах

известных философов и социологов – Ю. Хабермаса⁴, С. Хантингтона⁵, П. Бергера⁶, Ч. Тэйлора⁷, Х. Казанова⁸, Р. Инглхарта⁹, советского и российского социолога Ж.Т. Тощенко¹⁰ и др. Идея религиозного плюрализма и свободы религии стала основанием для десекуляризации, то есть развития религиозной жизни в разных проявлениях и степени в различных странах мира. Соответственно, процесс приватизации религии (её ухода в частную жизнь) сменился процессом её деприватизации. Плюрализм и «новые знания», которые ранее вели к секуляризации, провоцируют и поддерживают религиозное многообразие. Это стало общей идеей целого ряда социологов (Д. Мартин, Х. Казанова, П. Бергер¹¹ и др.), которые говорят о десекуляризации и о корректировке понятия «секуляризация»¹².

В социологии религии возникали различные теории, объясняющие феномен «евросекулярности» или «евроисключительности». Дело в том, что в 1990-е гг. стало очевидным, что религиозный бум в Латинской Америке, Африке или Азии и сохраняющийся высокий уровень религиозности в США контрастируют с «безрелигиозной» или даже агрессивно секуляристской Европой. В деле обращения к институтам веры мир шёл вперед, а европейцы отставали (а, с точки зрения светскости и толерантности, продолжали вырываться вперед). В 2000-е и 2010-е гг. ситуация в Европе стала меняться быстрее, чем раньше – это объяснялось тем, что под воздействием вызовов глобализации, нового информационного сознания и исламизации стали трансформироваться исторические церковные институты. Но если раньше церкви шли по пути либерализации, то теперь наступило время их консервативной модернизации.

К этому времени сложилось две основные школы, объясняющие «евросекулярность». Первая, известная как «новая парадигма» (Р. Старк¹³, Ф.

⁴Хабермас Ю. Религия, право и политика. Политическая справедливость в мультикультурном Мир-Обществе // Полис. Политические исследования. 2010. № 2. С. 7-21.

⁵Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. С.87-99.

⁶Berger P.L. The Many Altars of Modernity: Toward a Paradigm for Religion in a Pluralist Age. DeGruyterMouton, 2014. 172 p.

⁷Тейлор Ч. Секулярный век. Пер. с англ., серия «Философия и богословие». М.: ББИ, 2017. 955 с.

⁸Casanova J. Public Religion in the Modern World. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

⁹Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. С. 40-41.

¹⁰Тощенко Ж.Т. Теократия: фантом или реальность? М.: Academia, 2007. 664 с; Тощенко Ж. Т. Религиозная идентичность и бюрократия// Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М. П. Мчедлов. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 62-85; Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М. П. Мчедлов. М.: Институт социологии РАН, 2008. 415 с.

¹¹Бергер П. Православие и глобальный плюрализм; пер. Н.В. Шангина // Вестник Нижегородского института управления РАНХиГС. 2015. Вып. 3. С. 1-5.

¹²Каргина И. «Следующее христианство»: качественные преобразования постмодернистского пейзажа // Вестник Московского Университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 1; Brierley P. Future Church. A Global Analysis of the Christian Community to the Year 2010. Monarch books, 1998.

¹³Stark R., Bainbridge W.S. A Theory of Religion. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1987.

Дженкинс¹⁴, Р. Финке¹⁵, Л. Яннаконе¹⁶ и др.) предложила теорию рационального выбора. По мнению последователей этой школы, религия всегда была и остаётся частью общества. Основным фактором успешного развития религиозности выступают условия религиозной конкуренции. Изначально условия такого рода складывались только в одной стране – в США, где церкви сложились в форме добровольных объединений. Это и обусловило американоцентричность взглядов сторонников этой школы. Особенно очевидно она проявилась в процессе переосмысления существа секуляризации, предпринятого Р. Старком и Л. Яннаконе. По их мнению, Европа никогда не была особенно религиозной, а средневековая набожность, (или «золотой век веры») – это миф. Следовательно, никакого упадка религиозности в современной Европе не происходит. Можно ли говорить о «дехристианизации» Европы, если христианской Европы никогда не существовало? Так называемая христианская набожность была характерна в основном для аристократов, а уровень религиозного участия крестьянских масс был очень низким¹⁷ (этот вывод можно применить и по отношению к России).

Вторая, более распространенная школа – «старой парадигмы» секуляризации (Т. Парсонс¹⁸, П. Бергер¹⁹, Т. Лукман²⁰, Д. Мартин²¹ и др.). Она исходит из того, что религия в современном мире переживает упадок на разных уровнях: индивидуальном, организационном и институциональном. Её авторитет и значение в обществе падают, что во многом определяется модернизацией, урбанизацией, и дифференциацией как в обществе, так и в религиозной сфере, ростом образовательного индекса, плюрализацией и рядом других факторов. Однако уже в 1990-е гг. тот же Бергер, отражая свои позиции как социолога-христианина, писал о десекуляризации²². Параллельно другой социолог Хосе Казанова ввёл в научный оборот термин «деприватизация» религии.

¹⁴ Jenkins P. *God's Continent: Christianity, Islam, and Europe's Religious Crisis*. Oxford: OUP, 2007.

¹⁵ Grim B.J., Finke R. *The Price of Freedom Denied: Religious Persecution and Conflict in the Twenty-First Century* by Cambridge University Press, 2010. 272 p.

¹⁶ Iannaccone L.R., Finke R., Stark R. *Deregulating Religion: The Economics of Church and State* // *Economic Inquiry* 1997. Vol. 35 (2). P. 350-364.

¹⁷ Руткевич Е.Д. «Религиозная исключительность» Италии: социологический ракурс // *Теория и практика общественного развития*. 2013. Вып. 3. С. 50-63; Stark R., Iannaccone L. *A Supply-Side Reinterpretation of the «Secularization» of Europe* // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1994.

¹⁸ Парсонс Т. *Система современных обществ*. М.: Аспект-Пресс, 1997.

¹⁹ Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. / Пер. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.; Berger P.L. *Religion and Global Civil Society* // *Religion in global civil society* / Ed. by M. Juergensmeyer. Oxford: Oxford University Press, 2005. P.11-22; Белова Т.П. Бергер о роли религии в глобальном гражданском обществе // *На пути к гражданскому обществу*. 2011. № 3-4. Режим доступа: URL: www.es.rae.ru/government/70-135 (дата обращения: 15.02.2018).

²⁰ Luckman T. *Religion Situation in Europe the Background to Contemporary Conversions* // *Social Compass*. 1999 Vol. 46. Issue 3. P. 251-258.

²¹ Martin D. *The Religious and the Secular: Studies in Secularization*. London: Routledge and Kegan Paul, 1969. 164 p.

²² *The Desecularization of the World. Resurgent Religion and World Politics*. / Ed. by Berger P. Washington D.C., Ethics and Public Policy Center, 1999; Berger P., Davie G., Focas E. *Religious America, Secular Europe? USA*: Ashgate Publishing Company, 2008.

Сила религиозной веры, по словам Д. Эрвьё-Леже, связана со скоростью перемен во всех сферах общественной жизни²³. Социологи Д. Эрвьё-Леже и Г. Дэви²⁴ характеризуют понятие «европейской исключительности», используя такие категории как «вера без церковной принадлежности» и «заместительная религия», при которой люди передоверяют церквям функции идентичности, переходя от религии обязательства к религии потребления. Подобные рассуждения призваны объяснить сложность процессов, происходящих в Европе, и высокую численность тех, кто относит себя к числу верующих.

Религия как политический институт

Роль религии в общественной среде рассматривается в современной науке в основном через призму символического и ритуального влияния, а также воздействия на хозяйственную этику (тенденции восприятия религии, идущие от основоположников социологии религии Э. Дюркгейма²⁵, М. Вебера²⁶ и др.), институционального влияния (П. Бурдьё²⁷). Со второй половины XX века религия во всех ее проявлениях (религия как элемент культуры и совокупность форм и идеологий, организаций, религиозности как состояния сознания) стала анализироваться в рамках социологии и социальной философии, которые сконцентрировались на трансформации религии в условно безрелигиозном обществе. Данный подход, безусловно, задал определенный пессимистический тренд в оценке религиозности населения, так как масса формальных критериев позволяет сделать вывод о низкой практической приверженности граждан тем или иным историческим церквям. А имеющая место секуляризация общества позволяет без труда подтвердить вывод о связи экономического благополучия с падением влияния религии, хотя это не является чем-то самоочевидным.

Политологическая теория предназначает религиозным организациям место элементов в институциональной подсистеме общества, наряду с медиа и партийной системой в силу способности, к примеру, церковью формировать общественное мнение и влиять на власть и политиков. При этом каждая из этих подсистем является в то же самое время самостоятельной системой внутри общества²⁸. Религия также является одной из главных сред для формирования политических установок и ценностей индивидов и групп, то есть

²³ Эрвьё-Леже Д. В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 1 (33). С. 254 – 268.

²⁴ Davie G. The Sociology of Religion: A Critical Agenda. 2nd ed. Los Angeles; London etc, 2013. P. 128.

²⁵ Элементарные формы религиозной жизни. Тотемистическая система в Австралии // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. М., 1998. С. 174-230.

²⁶ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма; пер. с нем. М.И. Левиной. М.: Бизнеском, 2013.

²⁷ Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; отв. ред. перевода и сост. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.

²⁸ Политология: учеб. / А. Ю. Мельвил [и др.]. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 2008. С. 120-121.

для политической социализации²⁹, а также для формирования демократической среды³⁰, социальной работы³¹, глобальных диаспор³².

Религиозный фактор может активироваться и в качестве фундаменталистской реакции на секуляризм и как стимул для политической децентрализации и становления этнополитики (на основе национальных и религиозных чувств) как реакции на глобализацию мира³³. В рамках религиоведческого дискурса подчеркивается, что мировые религии играли роль «коммуникаций общечеловеческой цивилизации»³⁴. Гуманитарная роль религии усиливается в условиях мировых кризисов³⁵. Структурно-функциональный подход к исследованию религии особенно продуктивен в рамках растущего плюрализма и толерантности, свободы совести как залога стабильного развития общества и государства³⁶. В рамках новой роли религии рассматривается концепция ее реинституционализации³⁷. Религиозные институты стали таковыми в демократическом гражданском обществе не только и столько благодаря своим «прошлым заслугам», а в силу того, что стали успешным гражданским феноменом³⁸. Религиозная составляющая

²⁹Хейвуд Э. Политология: Учебник для студентов вузов. Пер. с англ. под ред. Г.Г. Водолазова, В.Ю. Вельского. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 544 с.; Weigel G. Catholicism and Democracy: The Other Twentieth-Century Revolution // *The New Democracies: Global Change and U.S. Policy* / Ed. by B.Roberts. Cambridge: MIT Press, 1990. P. 20-25.

³⁰Stepan A. Rawls and Huntington on religion and democracy. «The World's Religious Systems and Democracy: Crafting the "Twin Tolerations"», *Arguing Comparative Politics*. Oxford: Oxford University Press, 2001, P. 213-254; Stepan A. An «Arab» More Than «Muslim» Democracy Gap // *Journal of Democracy*. 2003. Vol. 14. No. 3. P. 30-44; *Rethinking Religion and World Affairs* / eds. T.S. Shah, A. Stepan, M.D. Toft. Oxford University Press, 2012. 336 p.; Blankholm J. «Twin tolerations» today: An interview with Alfred Stepan // *Social Science Research Council*. June 15, 2012. Режим доступа: URL: <https://tif.ssrc.org/2012/06/15/twin-tolerations-today-an-interview-with-alfred-stepan/>; Kuru A. Alfred Stepan // *Democracy and Islam*. October 2017. Режим доступа: URL: <https://www.opendemocracy.net/ahmet-t-kuru/alfred-stepan-democracy-and-islam/>;

³¹Cnaan R.A. Volunteering in Religious Congregations and Faith-Based Associations. *The Palgrave Handbook of Volunteering, Civic Participation, and Nonprofit Associations*. Palgrave Macmillan UK, 2016. P. 472-494; Krasnopolskaya I., Mersyanova I. Civil Society as an Environment for Production and Diffusion of Social Innovation. *Foresight-Russia*. 2014. Vol. 8. No 4. P. 40-53.

³² Островская Е.А. О глобальных транснациональных этнорелигиозных диаспорах // *Социологические исследования*. 2016. № 10 (390). С. 102-110; Осипов В.А. Концепция политических сетей: переход к исследованию качественных характеристик и его значение для российской политической теории и практики. // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Политология. 2015. №2. С. 90-103.

³³Хейвуд Э. Политология: Учебник для студентов вузов. Пер. с англ. под ред. Г.Г. Водолазова, В.Ю. Вельского. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 544 с.

³⁴ Государство и религиозные институты // *Религиоведение: Религия-Человек-Общество: учебное пособие для студентов вузов* / авт. коллектив: Е.В. Попова, П.А. Стуцки, А.Н. Минин и др. Курган, 1999. С. 158-165.

³⁵ Комлева В.В. Религиозные институты как регуляторы нравственной парадигмы в геополитике // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2017. №8 (110). С. 40-44.

³⁶Чемикосова Т.А. Трансформация религии как социального института в постсоветской России / Автореферат дисс. ... докт. соц. наук. Казань: КГУ, 2007. 29 с.

³⁷ Петрова И.Э. Функциональный анализ религиозного института // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Серия: социальные науки. 2014. №1 (33). С. 91-98.

³⁸Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 32-48; Подробный анализ научных дискуссий об институтах и институционализации см.: Зазнаев О.И.

определения гражданского общества подчеркивается в работах А.А. Канунникова³⁹ и ряда других исследователей⁴⁰.

Роль религиозного и национального фактора в развитии стран Европейского Союза, в политической структуре европейского общества, а также социальная деятельность церквей в рамках разрешения миграционного кризиса исследовалась в трудах И.Л. Прохоренко⁴¹.

Эволюция отношения православия и католицизма к демократическим ценностям, правам человека, этическим пролемам современной экономики проанализирована в трудах Т.Б. Коваль на примере Испании и России. Исследования Т.Б. Коваль ставят вопрос о роли церквей в определении национальной идентичности в рамках демократического общества⁴².

В России роль религии на стыке политики и социологии и христианства на постсоветском пространстве рассматривали Д.Е. Фурман⁴³, А.А. Красиков⁴⁴, С.Б. Филатов⁴⁵, Л.Н. Митрохин⁴⁶, М.М. Мчедлова⁴⁷, С.В. Трофимов⁴⁸, А.В.

Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. Казань: Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 2006. 374 с.

³⁹ Канунников А.А. Гражданское общество в условиях европейского интеграционного процесса / Дисс. ... д. полит. наук. М.: ИЕ РАН, 2017.

⁴⁰ Светлов Р. В. Религия и публичная политика // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2015. Том 2 (4). С. 164-176; Донцев С.П., Чимириш Е.С. Политическая социализация граждан РФ и деятельность религиозных организаций в современной России // Вестник РГГУ. Серия Политология. История. Международные отношения. 2011. №1 (62). С. 132-140; Элбакян Е.С. Институциональные особенности религии // Социология религии в обществе позднего модерна. Белгород, 2015. С. 139-145; Ситников А.В. Религиозный фактор формирования институтов власти в России // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. 2014. №12 (299). С. 52-60.

⁴¹ Прохоренко И.Л. Раса и идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир, 2017. С. 423-431; Прохоренко И.Л. Национальная государство // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир, 2017. С. 454-460; Прохоренко И.Л. Политическое пространство // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир, 2017. С. 494-500; Семененко И., Прохоренко И. От проекта элит к массовой политике: вызовы политизации европейской интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 7. С. 29-40; Прохоренко И.Л. Испанский опыт регулирования межнациональных отношений и инокультурной миграции // Мировая экономика и международные отношения. 2015. Том 59. № 12. С. 80-89.

⁴² Коваль Т. Б. Католическая традиция в масштабе времени // Португалия: путь от революции... М. : Весь мир, 2014. Гл. 14. С. 294-315; Коваль, Т. Б. Религия и экономика: Труд, собственность, богатство / Т. Б. ... М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 349, [3] с.; Коваль Т. Б. Уроки истории: испанский национал-католицизм // В кн.: Ибероамериканские тетради. Cuadernos iberoamericanos Вып. 1. М. : МГИМО (У) МИД РФ, 2013. С. 82-91; Коваль Т. Б. Влияние православной традиции на социально-экономическую модернизацию в России // Мир и политика. 2010. № 11 (50). С. 76-79; Коваль Т. Б. Испанский католицизм и русское православие о демократии и правах человека // Латинская Америка. 2009. № 10. С. 62-81.

⁴³ Фурман Д.Е. Религия и социальные конфликты в США. М.: Наука, 1981; Новые церкви, старые верующие – старые церкви, новые верующие: Религия в постсоветской России / Под ред. проф. К. Каарияйна и проф. Д. Фурмана. М.-СПб.: Летний сад, 2007.

⁴⁴ Красиков А.А. Ватикан 2000 лет спустя. Римо-католичество между прошлым и будущим. М.: Ин-т Европы РАН: Рус. сувенир, 2012.

⁴⁵ Атлас современной религиозной жизни России. Т. 1 / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2005. 620 с.; Атлас современной религиозной жизни России. Т. 2. / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2006. 686 с.; Атлас современной религиозной жизни России Т. 3. /

Ситников⁴⁹, М.Ю. Смирнов⁵⁰, И.Г. Каргина⁵¹, В.Е. Язькова⁵². Страновые европейские исследования о роли религии в политике и обществе также представлены широким спектром исследований⁵³.

Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2009. 863 с.; Религия и общество. Очерки современной религиозной жизни России / Отв. ред. и сост. С. Б. Филатов. М.; СПб.: Летний Сад, 2002; Религиозно-общественная жизнь в российских регионах / Под редакцией С.Б. Филатова. Том I. М.: Летний сад, 2014. 620 с.; Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания: том I / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.: Логос, 2003. 327 с.; Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания: том II / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.: Логос, 2004. 478 с.; Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания: том III / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.: Логос, 2005. 463 с.; Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания: том IV / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.: Логос, 2006. 365 с.; Струкова А.С., Филатов С. Б. От протестантизма в России к русскому протестантизму. Неприкосновенный запас. 2003. №6. С. 21-32; Филатов С., Лункин Р. Статистика религиозной и конфессиональной принадлежности россиян: каким аршином мерить // Религия и российское многообразие. Сборник статей / Науч. ред. и сост. С.Б. Филатов. М., СПб.: Кестонский институт, Летний сад, 2012.

⁴⁶ Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: РХГА, 2005.

⁴⁷ Мчедлова М.М. Религия и общество в России: векторы социальных изменений // Религиозная ситуация на Северо-Западе: ткань традиции и вектор конфессиональной эволюции. Сборник трудов конференции. Санкт-Петербург, 2017. С. 104-120; Мчедлова М.М. Идентичность: новые повороты цивилизационной теории // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь Мир, 2017. С. 148-155; Мчедлова М.М. Религиозная и конфессиональная идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь Мир, 2017. С. 334-338; Мчедлова М.М. Религия и политика // Энциклопедический словарь социологии религии / Под редакцией М.Ю. Смирнова. СПб.: Платоновское философское общество, 2017. С. 296-298; Мчедлова М.М. Социально-политические трансформации в России: концептуальные подходы к модернизации и ракурсы религиозного фактора // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2014. № 4. С. 50-58.

⁴⁸ Трофимов С.В. Индивидуализм и типы религиозных верующих в ранней теории Д. Эрвьё-Леже // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2014. № 4. С. 204–218; Трофимов С.В. Особенности формирования современного религиозного индивидуализма по Д. Эрвьё-Леже // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2016. № 1 (22). С. 107-122.

⁴⁹ Ситников А.В. Религия в демократическом обществе: как влияет воцерковленность на политическую культуру? // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2011. Вып. 1 (20). С. 19-28.

⁵⁰ Смирнов М.Ю. Возможно ли отказаться от концепта религиозности при исследовании религии? // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. № 2. С. 145-153.

⁵⁰ Смирнов М.Ю. Перспективы религии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 2. № 2. С. 194-206.

⁵¹ Каргина И.Г. Современный религиозный плюрализм: теоретико-социологический анализ / Дисс. ... докт. социол. наук. МГИМО (У) МИД России. М., 2016; Каргина И.Г. Социологические рефлексии современного религиозного плюрализма; Сер. Научная школа МГИМО. М., 2014; Каргина И.Г. Качественные изменения дискурса секуляризации в конце XX-начале XXI в. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 1. С. 109-114; Каргина И.Г. Ключевые тренды в изучении современных проявлений религиозности // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 108-115; Каргина И.Г. О динамике развития христианских конфессий // Социологические исследования. 1998. № 6. С. 111-118; Каргина И.Г. Феномен «Следующего христианского мира»: типичные черты и тенденции // Вестник Московского Университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 1. С. 105-113.

⁵² Язькова В.Е. Католическая Церковь и общество: «модели Церкви» в современной Италии. Современная Европа. 2016. № 1 (67). С. 129-138.

⁵³ См.: Чернышева О.В. Евангелическо-лютеранская церковь в социальной и политической жизни современной Швеции // Религиозные миссии на общественной арене: российский и зарубежный опыт / Под ред. А.А. Красикова и Р.Н. Лункина. Коллективная монография. М., ИЕ РАН, 2016. С.91-103;

Процессы демократизации, как на примере России, так и в международном контексте, рассматривались в трудах А.В. Митрофановой⁵⁴. В широком общественно-политическом контексте была раскрыта тема социальной трансформации Русской православной церкви, а также православия в Европе в целом⁵⁵.

Как подчеркивает М.М. Мчедлова, политизация религии и конфессионализация политики требует отхода от традиционных эпистемиологических рамок рассмотрения отношения религии и общества, религии и политики. Именно светскость становится предметом дискуссий, которые демонстрируют значимость религиозных рефренов и коннотаций. Религиозные основания, по мнению М.М. Мчедловой, инкорпорируются в политический процесс и в образование новых форм коллективной идентичности. Это выражается в деятельности религиозных институтов в публичной политике, использовании религиозной риторики для легитимации деятельности политических субъектов и в новых формах соотношений светских и религиозных институтов⁵⁶.

Миссия протестантских церквей евангельского направления (баптизм, евангелизм, пятидесятничество, адвентизм, то есть фактически весь протестантизм за исключением лютеранства) стала наиболее заметным и новым явлением на евразийском пространстве после распада СССР наряду с ростом влияния (возрождением) национальных религиозных традиций⁵⁷.

Религиозный фактор в миграционном кризисе

Исследователи подчеркивают, что Евросоюз встал перед необходимостью менять свою иммиграционную политику, пытаясь найти нечто среднее между

Плевако Н.С., Чернышева О.В. Можно ли стать шведом? Политика адаптации и интеграции иммигрантов в Швеции после Второй мировой войны. М.: Красанд, 2012; Красиков А.А. Религия и общество / Отв. редактор А.А. Красиков. М., 2007. Сер. 199 Доклады Института Европы РАН Том II Религиозные традиции в условиях глобализации; Красиков А.А., Шабуров Н.В., Лункин Р.Н., Юдин А.В., Ланда Р.Г., Шалобина И.А. Религия и общество / Отв. редактор А.А. Красиков. М., 2007. Сер. 198 Доклады Института Европы РАН. Том I. К преодолению стереотипов прошлого.

⁵⁴ Митрофанова А.В. Процессы «демократизации» в современном мире (политические и информационные аспекты) // Устойчивость политических систем: механизмы стабилизации и дестабилизации Сборник статей преподавателей Финансового университета при Правительстве РФ. М., 2017. С. 125-132; Митрофанова А.В. Загадки и разгадки теократии // Полис. Политические исследования. 2009. № 5. С. 176-180.

⁵⁵ Митрофанова А.В. Социальная работа православных некоммерческих организаций: направления, цели, типология // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2013. № 1. С. 32-43; Митрофанова А.В. Православие в Европе // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. 2010. № 4 (243). С. 95-105. Митрофанова А.В. «Политическое православие» и проблема религиозности // Философия и общество. 2006. № 1. С. 78-95.

⁵⁶ Мчедлова М.М. Религия и политика // Энциклопедический словарь социологии религии / Под редакцией М.Ю. Смирнова. СПб.: Платоновское философское общество, 2017. С. 296-298.

⁵⁷ Религия и глобализация на просторах Евразии / Под ред. А. Малашенко и С. Филатова. М.: Московский Центр Карнеги, 2005; Религия и конфликт. М.: РОССПЭН, 2007; Европа XXI века. Новые вызовы и риски: монография / под общей редакцией Ал.А. Громыко, В.П. Фёдорова. М., СПб.: Нестор-История, 2017. 584 с.; Религия и российское многообразие / Науч. ред. и сост. С. Б. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2011. 688 с.; Лункин Р. Филатов С. Конец 90-х: возрождение религиозной нетерпимости // Нетерпимость в России: старые и новые фобии. М.: Московский Центр Карнеги, 1999, С. 136-150.

соблюдением прав человека и полной высылкой беженцев. При этом, важно отметить, что ЕС заявляет о своей поддержке национальных правительств, местных властей, гражданского общества в их деятельности по обеспечению интеграции мигрантов и формированию взаимного доверия между приезжими и населением принимающих стран. Наряду с этим, миграционные проблемы рассматриваются в контексте кризиса идентичности, в том числе, в контексте поиска мусульманами своей идентичности и идентификационным кризисом современного европейского общества, поиска церквями своей роли в обществе⁵⁸.

Британский правовед Ронан Маккри⁵⁹ отмечает, что миграция сделает Европу еще более секулярной. Свое мнение он основывает на том, что увеличение количества мигрантов с их фундаменталистской религиозностью только заставит лидеров ЕС еще больше ограничить религию частной сферой. Религиозность Европы во многом зависит от иммигрантов, которые более

⁵⁸Бабинов Ю.А. Адаптационный потенциал религии в миграционных процессах // Вісник СевНТУ: зб. наук. пр. 2013. Вип. 141. Серія: Філософія. С. 124-128; Вайгель Д. Две культурные войны в Европе // Русский Журнал. 2006. 25.03.06. Режим доступа: URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-rovostka/Dve-kulturnye-voynu-v-Evropе> (дата обращения: 30.04.2017); Потемкина О.Ю. Мигранты в Европе. Европейский Союз // Современная Европа. 2016. № 2 (68). С. 109-112; Потемкина О.Ю. «Европейская повестка дня по миграции» - новый поворот в иммиграционной политике ЕС? // Современная Европа. 2015. № 4 (64). С. 28-40; Китинов Б.У. Тропы Европы: мигранты в поисках идентичности // Современная Европа. 2016. № 5 (71). С. 123-131; Каргина И. «Следующее христианство»: качественные преобразования постмодернистского пейзажа // Вестник Московского Университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 1. Режим доступа: URL: http://www.perspektivy.info/misl/cenn/sledujushheje_khristianstvo_kachestvennyje_preobrazovanija_postmodernistskogo_pejzazha_2014-03-06.htm (дата обращения: 30.04.2017); Судоплатов П.А. Миграционные процессы и миграционная политика в странах Европейского Союза / Автореферат дис. ... канд. эконом. наук. ИСПИРАН. М., 2006; Beyer P. Religions in Global Society. Taylor & Francis, London-New York, 2006. Aschauer W. Societal Malaise and Ethnocentrism in the European Union: Monitoring Societal Change by Focusing on EU Citizens' Perceptions of Crisis // Historical Social Research / Historische Sozialforschung. 2016. Vol. 41, No. 2 (156). Special Issue: Conventions and Quantification – Transdisciplinary Perspectives on Statistics and Classifications, P. 307-359; Bloom P., Arkan G., Courtemanche M. Religious Social Identity, Religious Belief, and Anti-Immigration Sentiment // American Political Science Review. 2015. Volume 109, Issue 2 May 2015, P. 203-221. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055415000143> Published online: 23 April 2015 (дата обращения: 12.03.2018); Jackson D., Passarelli A. Mapping migration, mapping churches' responses in Europe: Belonging, Community, and Integration: the Witness and Service of Churches in Europe // Churches' Commission for Migrants in Europe. 2016. Режим доступа: URL: <http://www.ccme.be> (дата обращения: 30.04.2017); Ager A., Ager J. Faith, Secularism, and Humanitarian Engagement: Finding the Place of Religion in the Support of Displaced Communities. New York: Palgrave Pivot, 2015; Fiddian-Qasmiyeh E., Qasmiyeh, Y.M. Muslim Asylum-Seekers and Refugees: Negotiating Identity, Politics and Religion in the UK. Journal of Refugee Studies. 2010. Vol. 23. No. 3; Mayanthi F.L. The Republic Unsettled: Muslim French and the Contradictions of Secularism. Duke University Press, 2014; Güner S.Ş. Secularization, Evolution, and Politics // Politics, Religion & Ideology. 2016. Vol. 17. No.2-3. P. 191-209; Jenkins P The Next Christendom: The Coming of Global Christianity. New York, NY: Oxford University Press, 2002; Jenkins P. God's Continent: Christianity, Islam, and Europe's Religious Crisis. New York, NY: Oxford University Press, 2007; MourãoPermoser J., Rosenberger S., Stoeckl K. Religious Organisations as Political Actors in the Context of Migration: Islam and Orthodoxy in Austria // Journal Of Ethnic And Migration Studies. 2010. Vol. 36. Iss. 9. P. 1463-1481.

⁵⁹ McCrea, R. How to hobble religion // Aeon. 17 June, 2013. Режим доступа: URL: <https://aeon.co/essays/is-migration-making-europe-more-secular> (дата обращения: 30.04.2017).

религиозны и которых Европа не понимает. Но именно с новой волной обращенных в самых разных общины, как католические, так и протестантские, в основном, евангельские движения (баптизм, евангелизм, пятидесятничество) может быть связано возрождение христианства. К примеру, в Европе большую роль играет пятидесятничество, а в Великобритании африканский фундаментализм в Англиканской церкви.

В этих условиях, как отмечают многие социологи и политологи, политическая роль мусульман, так и христианских организаций, которые помогают мигрантам, в обществе и в отношениях с государством повышается, а власти больше уделяют внимание религиозной сфере⁶⁰. Другая проблема заключается в том, что формально христианские миссии не занимаются прозелитизмом, но фактически этого сложно избежать⁶¹. Но все это вместе ставит сами церкви и их инициативы в центр гражданского общества европейских стран.

Религия и европейская интеграция

Исследователи подчеркивают роль христианства и, прежде всего, Католической церкви, в европейской интеграции⁶². Особую роль католицизма в рамках «третьей волны» демократизации 1970-1990-х гг. отмечал С. Хантингтон, это волна была по преимуществу католической – от Испании и Португалии до Восточной Европы и была связана с трансформацией Церкви

⁶⁰ Migrants, Italians and the church. Faced with exploitation of migrants, the flock, not the church, looks away. Attitudes towards migrants in Italy pose a dilemma for the church. Mar 10th 2017 by ERASMUS and S. D'I. The Economist; Migrants, Christianity and Europe. Diverse, desperate migrants have divided European Christians. Sep 6th 2015. by ERASMUS. The Economist; Disharmony. The religious response to Syria's travails is prolix and confused. Apr 8th 2017 by ERASMUS. The Economist.

⁶¹ Kuru A.T. Secularism, State Policies, and Muslims in Europe Analyzing French Exceptionalism. Comparative Politics. 2008. October. P. 1-19; Martin D. Britain's tolerance to Islam results in more than 1m Muslims setting up home here // Daily Mail. 2009. 14 December. Режим доступа: URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-1235527/Britains-tolerance-Islam-results-1m-Muslims-setting-home-here.html#ixzz375Ex5tdo> (дата обращения: 30.04.2017); Mladenovska-Tešija J. Be salt of Europe: can evangelical churches make a difference in Croatia? // Occasional papers on Religion in Eastern Europe. 2015. XXXV, 2. P. 15-24; Muir R., Stone L. Who Are We? Identities in Britain // The Institute for Public Policy Research. 2007. Режим доступа: URL: http://www.ippr.org/assets/media/images/media/files/publication/2013/04/who%20are%20we_1563.pdf (дата обращения: 30.04.2017); Nelsen B.F., Guth J.L., Highsmith B Does Religion Still Matter? Religion and Public Attitudes toward Integration in Europe // Politics and Religion. 2010. Vol. 4, Issue 1. P. 1-26.; Rescripting Religion in the City: Migration and Religious Identity in the Modern Metropolis / Edited by J. Garnett, A. Harris. Surrey: Ashgate, 2013; Religion returns to the public square: faith and policy in America / Edited by Hugh Heclo and Wilfred M. McClay. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2003; Religion and Politics in Europe and the United States: Transnational Historical Approaches / Ed. by V. Depkat, J. Martschukat. Woodrow Wilson Center Press with Johns Hopkins University Press, 2013; State Secularism and Lived Religion in Soviet Russia and Ukraine / Ed. by C. Wanner. Woodrow Wilson Center Press with Oxford University Press, 2012; Thomas E. Immigration, Islam and the Politics of Belonging in France. University of Pennsylvania Press, 2012; Turner B.S. Religion and Modern Society: Citizenship, Secularisation and the State. Cambridge University Press, 2011; Tubergen F. van, J'Orunn S.T. The Religiosity of Immigrants in Europe: A Cross-National Study // Journal for the Scientific Study of Religion. 2011. Vol. 50(2). P. 272–288; Weigel G. The Cube and the Cathedral: Europe, America, and Politics without God. New York, NY: BasicBooks, 2005.

⁶² Данненберг А.Н. Современная католическая экклезиология: место Церкви в мире // Миссия конфессий. 2017. №20. С. 15-26.

после Второго Ватиканского собора⁶³. В православном богословии также есть возможности для осмысления демократических ценностей и плюрализма в рамках идеи «единства в многообразии»⁶⁴. Одновременно с демократизацией церковного мировоззрения церкви участвовали в процессах евроинтеграции – от идеи «единой Европы» до Европейского сообщества и Евросоюза. Представители всех конфессий в ходе опросов демонстрируют значительный процент тех, кто поддерживает интеграцию (католики больше, чем протестанты и православные, в странах, недавно вошедших в ЕС молодое поколение меньше поддерживает евроинтеграцию, но значение христианской идеи растет в виде реакции на рост влияния ислама⁶⁵.

С одной стороны, религиозная тематика мало представлена в деятельности ЕС. На основании интервью с депутатами Европарламента, к примеру, Франсуа Форэ делает вывод, что влияние церквей в принятии политических решений практически незаметно, а религиозный фактор светские политики не учитывают. Партии, входящие в Европарламент, поднимали тему религии редко (минимальный % решений связан с церковными вопросами)⁶⁶. С другой стороны, исследователи находят много общего между риторикой Католической церкви и ценностями ЕС, которые выражены на светском языке в рамках обсуждения «духовного измерения Европы» и «европейской души». Церковь распространяет свои ценности через иерархию и верующих, а также через консультационные и кооперационные подразделения Церкви, поддерживая политический порядок ЕС⁶⁷. Как отмечает П. Кратохвил, отношения ЕС с религиозными общинами всегда были двойственными – отцы-основатели ЕС были христианами, но при этом ЕС долгое время противостоял влиянию церквей. Лишь в 2010-е гг. удалось наладить постоянный диалог с религиозными группами, а присутствие религии в публичном пространстве снова приемлемо⁶⁸. Кроме того, Церковь научилась использовать различные формальные и неформальные каналы влияния на политиков. По словам П. Кратохвила и Т. Долежала, нового «союза трона и алтаря» не произошло, но ЕС и Католическая церковь создали непростой альянс, который легитимизирует

⁶³Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. С. 87-99.

⁶⁴ World Religions and Democracy (A Journal of Democracy Book) / Ed. by L. Diamond, M.F. Plattner, P.J. Costopoulos. Johns Hopkins University Press. 2005. 150 p.

⁶⁵ Nelsen B.F., Guth J.L., Highsmith B. Does Religion Still Matter? Religion and Public Attitudes toward Integration in Europe // Politics and Religion. 2010. P. 1-26. doi:10.1017/S1755048310000507

⁶⁶Foret F. Religion and Politics in the European Union: The Secular Canopy. Cambridge Studies in Social Theory, Religion and Politics. Cambridge University Press, 2015.

⁶⁷Kratochvil P., Dolezal T. The European Union and the Roman Catholic Church: the alliance of throne and altar revisited? // Politics and Religion Journal. 2016. Vol. 8. No. 2. P. 213-238. Режим доступа: <https://www.politicsandreligionjournal.com/index.php/prj/article/view/47> (дата обращения 16.03.2018).

⁶⁸ Czechs romanticise cultural Christianity. Interview with Petr Kratochvil, director of the Institute of International Relations Prague. Interviewer: Agnieszka Pikulicka-Wilczewska. New Eastern Europe. January 11, 2018. Режим доступа: URL: <http://neweasterneurope.eu/category/stories-and-ideas/> (дата обращения 16.03.2018).

интеграционный проект в глазах европейских католиков и делает Церковь заметной в политике ЕС⁶⁹.

В рамках анализа роли церквей в процессе евроинтеграции исследователи подчеркивают, что на первом этапе христианские церкви были слабо включены в процессы создания Европейских сообществ, но с 1990-х-2000-х гг. появились и представительства церквей при ЕС, и специальные представители по взаимодействию с религиозными общинами⁷⁰. Модель, отражающая место и роль церквей в евроинтеграции, состоит из двух аспектов: церкви формируют идентичность и проявляют себя как негосударственные субъекты. Религиозные институты могут использовать прямое или не прямое лоббирование и действовать через политическую мобилизацию (особенно среди прихожан). Они формируют общественное мнение и как субъекты действуют на правительственном уровне⁷¹. Сам факт диалога христианских Церквей и европейских институций отнюдь не означает принятие Брюсселем ценностных установок христианства⁷².

Помимо этого, в научной литературе обсуждается позиция национальных церквей, в особенности в Восточной Европе, по поводу вхождения отдельных стран в состав ЕС, а также критика представителей ЕС со стороны епископата⁷³ на разных уровнях власти⁷⁴. Рассматриваются: европейская интеграция как органичный для католицизма процесс⁷⁵; влияние церковных институтов в ходе подготовки Конституции ЕС и Лиссабонского договора⁷⁶. Часть ученых считает церкви автономной подсистемой в обществе, сложившейся в ходе социальной дифференциации, и религиозное измерение не считается самостоятельным и значимым фактором в ходе интеграции. Религия приобретает значение только во время споров о Конституции и об идентичности Евросоюза⁷⁷. В работах, специально посвящённых евроскептицизму, религия оказывается одним из не самых главных элементов, объясняющих это явление. Причинами критики ЕС

⁶⁹Dolezal T., Kratochvil P. Politics and Religion in Europe: The Case of the Roman Catholic Church and the European Union // Central European journal of international & security studies. 2014. Vol. 8. No. 3. P. 6-26.

⁷⁰Leustean L.N. The Representation of Religion in the European Union // European University Institute, Robert Schuman Centre for Advanced Studies. Working Paper RSCAS 2013/69. European University Institute, 2013. 28 p.

⁷¹Мудров С.А. Идентичность, негосударственные организации и религия в европейской интеграции // Вестник РУДН. Серия «Социология». Январь, 2016. Т. 16. №1. С. 34-48.

⁷²Мудров С.А. О европейской интеграции // Православие.ru. 5 августа 2008. Режим доступа: URL: <http://pravoslavie.ru/1394.html> (дата обращения 16.03.2018).

⁷³Sutton M. Political Realism and Roman Catholic Faith in the Construction of Europe: Konrad Adenauer, Robert Schuman, and Charles de Gaulle // Representing Religion in the European Union: Does God Matter? / Edited by L.N. Leustean. Routledge studies in religion and politics. 2013. P.35.

⁷⁴Madeley J. Deus ex Machina: Representing God on the Stage of the European Union // Representing Religion in the European Union: Does God Matter? / Edited by Lucian N. Leustean. Routledge studies in religion and politics. 2013. P.53.

⁷⁵Жосул Е. Ватикан и европейская интеграция // Власть. 2008. №11. С. 77.

⁷⁶Commission of the Bishops' Conferences of the EU (COMECE), Conference of European Churches (CEC).

⁷⁷Olteanu T., Nève D. Eastern Orthodoxy and the Processes of European Integration // Eastern Orthodox Encounters of Identity and Otherness Values, Self-Reflection, Dialogue / Ed. by A. Krawchuk, T. Bremer. Palgrave Macmillan US, 2014. P. 179-206.

считается конфликт христианства с мультикультурализмом после более важных факторов: борьбы правящих партий и периферийных, элиты и общества, новых и старых стран-членов ЕС с разными возможностями и идентичностями⁷⁸. Наиболее враждебны по отношению к ЕС протестанты-фундаменталисты и Православная церковь в Греции, считающие ЕС апокалиптической «новой империей» и воплощением зла⁷⁹. Вместе с тем, пример целого ряда стран показывает, что христианские конфессии вовлечены как в политические дебаты, так и играют значительную роль в электоральном процессе⁸⁰. Целый ряд выступает с критикой евроскептицизма на религиозной почве. В частности, отмечается, что продвижению этого явления способствует религиозная нетерпимость, которая поддерживает разного рода течения, направленные против ЕС и против вступления Турции в ЕС⁸¹. Центральная роль церковных институтов в формировании европейской идентичности проанализирована в исследованиях С. Мудрова. По его мнению, значение церквей как полноправных участников политического процесса и религиозных лоббистов недооценена⁸².

Масштабное исследование об отношении церквей к евроинтеграции провели Brent Nelsen и Джеймс Гут. Ученые заметили, что социологические опросы показывают, что католики (члены Церкви – наследницы Римской империи, носителя идеи универсализма) всегда больше поддерживают евроинтеграцию, чем протестанты, для которых большее значение имеет национальное государство (оно является гарантией их прав и свобод)⁸³. Религиозные меньшинства, скорее, голосуют за Евросоюз – это касается мусульман, которые ощущают более толерантное отношение к себе со стороны на уровне ЕС, чем на национальном уровне⁸⁴. Эти данные подтверждаются

⁷⁸ Eurocepticism and European Integration / Ed. by K. Arató, P. Kaniok. Zagreb: Centar za politološki straživanje, 2009. P.10-11.

⁷⁹ Milardović-Ivanković A. Eurocepticism in a Conflict of Ideologies of the Second Modernism // Eurocepticism and European Integration. / Ed. by K. Arató, P. Kaniok. Zagreb: Centar za politološki straživanje, 2009. P.52-53.

⁸⁰ Steven M. Christianity and Party Politics: Keeping the faith. Routledge Studies in Religion and Politics, 2011.

⁸¹ Hobolt S.B., van der Brug W., De Vreese C.H., Boomgarden H.G., Hinrichsen M.C. Religious Intolerance and Eurocepticism // European Union Politics. 2011. Published online, pp.1-21. Режим доступа: DOI: 10.1177/1465116511404620 (дата обращения: 24.04.2018).

⁸² Mudrov S. Christian Churches in European Integration. London: Routledge, 2016. P.192; Mudrov S. Christian Churches as special participants of European integration: the process of EU Treaties' Reform // European Consortium for Political Research. Режим доступа: URL: <https://ecpr.eu/Events/PaperDetails.aspx?PaperID=10583&EventID=1> (дата обращения: 24.04.2018).

⁸³ Religion and the Struggle for European Union: Confessional Culture and the Limits of Integration (Religion and Politics series) / By Brent F. Nelsen (Author), James L. Guth. Georgetown University Press. 2015. 384 p.; Nelsen B.F., Guth J.L., Highsmith B. Does Religion Still Matter? // Religion and Public Attitudes toward Integration in Europe. 2011. Vol. 4. Iss. 1. P. 1-26.

⁸⁴ Catholics like the European Union more than Protestants do. This is why. By Nikita Lalwani and Sam Winter-Levy January 12, 2017. Режим доступа: URL: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2017/01/12/protestants-dont-like-the-european-union-compared-to-catholics-this-is-why/?utm_term=.51f401a7296f (дата обращения: 24.04.2018).

также региональными исследованиями⁸⁵. Пример католической поддержки евроскептицизма в Польше оценивается исследователями в качестве особого случая, поскольку это связана с польской идентичностью, где вера тесно связана с национализмом⁸⁶.

В рамках анализа позиции церквей по отношению к евроскептицизму особо подчеркивается способность религиозных институтов быть источником оправдания для праворадикальных партий, фундаменталистов⁸⁷. Двойственная или изменчивая позиция различных церквей по отношению к структурам ЕС и расширению Союза объясняется также своеобразием евроскептицизма как политического явления, отвергающего или критикующего политические линии ЕС⁸⁸.

Научные исследования, касающиеся евроскептицизма и религиозного фактора в рамках евроинтеграции, помогают понять, насколько глубоко исторические церкви Европы вовлечены в социально-политические процессы.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

Новизна работы заключается в использовании новых концептуальных подходов к изучению мировоззрения и форм активности современного христианства в условиях социально-политических кризисов, в анализе церквей как институтов гражданского общества и участников политического процесса в Европе. В глобальном масштабе особенно важно понять пути развития христианства в Европе в условиях сдвига мирового христианства на Юг (поскольку большинство христиан в мире живет в Латинской Америке, Африке и Азии) и изменений этно-конфессионального состава Европы.

Столь многообразное поле исследуется через призму трех основных кризисов:

- кризиса политической легитимности церквей в секулярном обществе, их поиска своего понимания демократии и взаимодействия с властными структурами в европейском обществе в условиях равнодушия большинства общества к религиозным вопросам и к активному участию в организованной религиозной жизни;

- кризиса политической трансформации в Европе, которая заставила большинство церквей проявить себя в социальном служении и занять ту или иную политическую позицию;

⁸⁵Hagevi M. Religiosity and Swedish Opinion on the European Union. *Journal for the Scientific Study of Religion* 41(4):759-769. December 2002. Режим доступа: DOI: 10.1111/1468-5906.00160 (дата обращения: 24.04.2018).

⁸⁶Napieralski B. *Political Catholicism and Euroscepticism: The Deviant Case of Poland in Comparative Perspective*. BASEES/Routledge Series on Russian and East European Studies. 2017.

⁸⁷ Guerra S. Eurosceptic Allies or Euroenthusiast Friends? The Political Discourse of the Roman Catholic Church in Poland // *Representing Religion in the European Union: Does God Matter?* / Edited by L.N. Leustean. Routledge studies in religion and politics. 2013. P. 148-149.

⁸⁸ Taggart P., Szczerbiak A. *The Party Politics of Euroscepticism in EU Member and Candidate States // Opposing Europe*. Sussex European Institute. Working Paper. 2002. No 51. Режим доступа: URL: <https://www.sussex.ac.uk/webteam/gateway/file.php?name=epern-working-paper-6.pdf&site=266> (дата обращения: 24.04.2018).

-миграционного кризиса, который включает в себя реакцию на вызовы квазирелигиозного терроризма и «исламизации», попытку заново осмыслить европейскую идентичность и солидарность;

Теоретическая значимость работы определяется вкладом в методологию исследования политической роли религии в современном мире – феномена политизации религии в секулярном обществе. Автор применяет конкретный институциональный политолого-социологический подход для анализа современного материала. Переосмысление роли христианских церквей разных направлений в Европе является теоретической и практической основой для реформатирования, дополнения концепции секулярной демократии и светского государства. Подходы, примененные автором, помогают понять соотношение христианства и демократии и в целом института религии в глобальном обществе.

Практическая значимость работы

Эмпирический материал, выводы и результаты исследования могут быть использованы при создании обобщающих трудов по политологии, новейшей истории стран Европы, социологии, а также в процессе преподавания курсов политологии, новейшей истории, социологии, спецкурсов по истории религии в современном обществе, политологии религии, религиозно-политическому фактору в России, в странах Евросоюза, на европейском континенте в целом.

Апробация исследования

Основные положения диссертации отражены в ста двух публикациях общим объемом более 100 п.л., в том числе в пяти монографиях, изданных в соавторстве, в тридцати статьях в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, в двадцати шести статьях в других изданиях, в четырнадцати статьях на английском, немецком, итальянском и финском языках, в пяти тезисах на международных конференциях, в шести публикациях, индексируемых в международной базе данных «Scopus», в шести статьях, индексируемых в международных базах данных American Bibliography of Slavic and East European Studies (ABSEES) и в Social Sciences Citation Index.

Результаты научно-исследовательской работы докладывались на российских и международных конференциях и семинарах в России, Польше, Словакии, Эстонии, Латвии, Великобритании, Нидерландах, США, Армении, Грузии, Украине. В том числе на следующих мероприятиях: Симпозиум «Россия в XXI веке» 25 февраля – 1 марта 2015 г. в Бостоне (США), организован Институтом глобального лидерства Университета Тафтса при поддержке Карнеги Корпорейшн и Института Кеннана при Международном научном Центре имени Вудро Вильсона, в рамках международной программы Университета Тафтса (программа ЕРПС – Education for Public Inquiry and International Citizenship; 22-25 февраля 2017 г. в Бэйлорском университете (штат Техас, США) состоялись лекции и мастер-классы автора о религии на европейском пространстве; 11 мая 2017 г. в Москве состоялась Международная научно-практическая конференция «Демократия, национализм и религия в Центральной и Восточной Европе» под эгидой Центра по изучению проблем

религии и общества Института Европы РАН и Исследовательского Центра Pew Research Center, (Вашингтон, США). В 2005-2017 гг. участвовал в конференциях по приглашению Samford University (Alabama, USA), Brigham Young University (Utah, USA), Baylor University (Texas, USA), Ausbury University (Kentucky, USA), Baltic University (Рига, Латвия).

Основные методы работы были апробированы в рамках участия автора в проекте по проведению полевых социологических исследований в области религии с 1998 г. с участием Кестонского Института (Keston Institute, Oxford, UK). Также результаты исследования были апробированы диссертантом в качестве члена редколлегии журналов «Религия, общество и государство в России и за рубежом», «Религия и право», в рамках работы Центра по изучению проблем религии и общества Института Европы РАН.

Научные исследования диссертанта, в том числе по теме диссертации, были апробированы также во время стажировок в качестве эксперта Центра Вудро Вильсона (Woodrow Wilson International Center for Scholars, Вашингтон, США) в 2011 г. и в 2017 г. в качестве участника программы Галины Старовойтовой Института Кеннана (Вашингтон, США) по разрешению межрелигиозных и межнациональных конфликтов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы; охарактеризована степень её разработанности; определены объект, предмет, цели и задачи диссертационного исследования; проводится анализ теоретической, методологической и источниковой базы исследования; показывается научная новизна и практическая значимость работы.

В первой главе «Политическая роль религии: основные понятия и концепции» в разделе «1.1. Обоснование понятийного аппарата исследования» рассматривается роль религии в рамках политологического подхода и политологии религии, как дисциплины, изучающей влияние религиозных институтов как активных акторов гражданского общества во взаимосвязи с другими акторами на различные политические процессы, включающие в себя роль религиозного фактора в международных отношениях, политических дискуссиях, в формировании мировоззрений партий и движений, социально-экономической, культурной, гуманитарной, семейной и других сферах государственной политики.

Одним из ключевых понятий в рамках данного подхода является представление о том, что такое религиозный институт. С точки зрения политологии религии, под религиозными институтами следует понимать совокупность формальных и неформальных религиозных и общественных объединений, действующих в публичном пространстве и вовлеченных в социальные и политические отношения (взаимоотношения).

В разделе «1.2. Основные концептуальные подходы к изучению религиозных институтов» подчеркивается, что политологическая теория предназначает религиозным организациям место элементов в

институциональной подсистеме общества, наряду с масс-медиа и партийной системой в силу способности, к примеру, церковью формировать общественное мнение и влиять на власть и политиков. При этом каждая из этих подсистем является в то же самое время самостоятельной системой внутри общества. Религия также является одной из главных сред для формирования политических установок и ценностей индивидов и групп, то есть для политической социализации.

Религиозный фактор может активироваться и в качестве фундаменталистской реакции на секуляризм и как стимул для политической децентрализации и становления этнополитики (на основе национальных и религиозных чувств) как реакции на глобализацию мира. В рамках религиоведческого дискурса подчеркивается, что мировые религии играли роль «коммуникаций общечеловеческой цивилизации», по которым шел обмен мировоззренческими представлениями, культурными ценностями, опытом государственного управления. Религия создавала образа идеального общества.

Гуманитарная роль религии усиливается в условиях мировых кризисов. Структурно-функциональный подход к исследованию религии особенно продуктивен в рамках растущего плюрализма и толерантности, свободы совести как залога стабильного развития общества и государства. В рамках новой роли религии рассматривается концепция ее реинституционализации.

В рамках религиоведческого подхода социальный институт религии представляет собой систему из двух взаимосвязанных уровней: 1) ценностно-нормативная модель, включающая в себя совокупность верований, символов и предписаний, представлений, относящихся к широкому кругу явлений и предметов, как профанных, так и сакральных, и 2) модели поведения, заданные религиозными нормами и регулируемые посредством религиозной организации, включающей в себя как религиозную общину, занимающуюся культовой и внекультовой религиозной деятельностью, так и непосредственно религиозную организацию, являющуюся «представителем» данной религии в социуме. Одной из стадий «рутинизации харизмы» по М. Веберу является институализация, когда деятельность начинает осуществляться по признанному в обществе образцу.

Поскольку религиозные институты являются полноправной частью гражданского общества, то важно соотносить их с институциональным подходом как таковым. Это позволит увидеть те функции, которые не предполагались в качестве неотъемлемых функций религии в рамках демократической системы.

Вытеснение религии с прежней абсолютной роли освящения повседневной жизни и политической власти стало фактором, который заставил исследователей искать ответ на вопрос о том, какие формы религия и религиозность приобрели в современном мире. Представление о десекуляризации сменилось выводом о том, что религия возвращается в других формах множественной религиозности, когда религиозные институты теряют свое авторитарное влияние (Ю. Хабермас, Ч. Тэйлор, Д. Мартин, П. Бергер).

Церкви превращаются в силу, которая служит переменам, что является современным политическим феноменом (С. Хантингтон). Европейцы делегируют функции идентичности церковным институтам «замещающая религия» («vicarious religion» Грейс Дейви). Американцы живут в рамках «гражданской религии», где реальная религиозность является одним из ключевых элементов идентичности нации (Р. Белла). Модернизация затрагивает системные качества религиозных организаций в функциональном (определяющем характер ее связей и способы осуществления взаимодействий) и в структурном (задающим морфологические типы и особенности строения самой организации) планах. Но религия сохраняет медиативную роль в модернизации процессов социальной коммуникации.

Концептуализация общественно-политической роли религии в научных исследованиях выявила целый ряд подходов: социально-философский или религиоведческий (символическая роль религии как средства сакрализации или легитимации властных и общественных установок), социологический (различные концепции бытовая религии в эпоху (де) секуляризации), институциональный политологический (восприятие как института, меняющего общество в ту или иную сторону), политико-философский (религия как источник конфликта, но христианство как триггер демократизации). Эти подходы могут между собой пересекаться и встречаться в мировоззрении одного и того же ученого – эпоха постмодерна, в который помещена религия, позволяет перетасовывать эти подходы и смотреть на религию по-новому.

В разделе «1.3. Основные подходы к изучению политической роли религиозных институтов в рамках демократической системы» сделан вывод, что религия является значимым фактором в международной политике, элементом национальной политической идентичности и демократической структуры общества. Религиозные институты стали проявлять свою политическую значимость в самых разных сферах жизни общества, а сами институты стали трансформироваться в самые различные формы социальной и политической самоорганизации. Религия заняла разные уровни в рамках системы гражданского общества, а значит в рамках системы политической деятельности. Церковные структуры и в силу влияния идеологии либеральной демократии и в силу собственных общинных ресурсов стали проводниками гражданского активизма. Религиозные институты предложили свою систему развития церковной деятельности, которая не только совместима с демократизацией, но и вращается в политическую структуру демократического общества.

Христианские церкви Европы, как показывает опыт исследований социологов, религиоведов, политологов, философов, представляют из себя подсистему в рамках гражданского общества европейских стран. Основой влияния христианских религиозных институтов являются: историко-культурная укорененность церковных институтов и их способность проявлять в себя в качестве силы легитимирующей государственную власть, способность становится движущей силой процессов формирования национальной

идентичности в условиях глобализации. Вместе с тем анализ научной литературы показывает, что появляется и новая область исследований, где объектом становятся церкви как институты гражданского общества и общественные организации и движения, ими созданные. В период обострения социально-политических кризисов религиозные институты начинают действовать как слаженная система, отстаивающая интересы не столько церковного руководства, сколько всей системы институтов вокруг церквей как составной части демократического общества.

Во второй главе «Роль христианских церквей в европейском обществе» в разделе «2.1. Основные тенденции развития религиозности: статистика европейского христианства» подчеркивается, что религиозная картина Европы сильно меняется на протяжении нескольких последних десятилетий. По существу продолжается процесс трансформации религиозных традиций, который был начат в послевоенное время и вступил в свою активную фазу в 1980-е-1990-е гг. Именно тогда глобализация, развитие науки, информационного общества, потребительской культуры казалось бы отодвинули религию как в виде исторических церквей, так и в виде желания верить во что-либо, на самое последнее место. 2000-е гг. показали, что религиозные институты не отмирают, а развиваются, религиозная тематика становится популярной на общественной арене, в СМИ и в сознании общества в целом. Возвращение религии произошло и происходит в обществах, которые формально считают себя светскими и исповедуют секулярные ценности.

В контексте всех этих процессов религиозная ситуация в Европе долгое время оценивалась социологами и журналистами лишь с точки зрения упадка, снижения числа прихожан и влияния церквей (конечно, прежде всего, речь идет о христианстве). Европа представлялась как самая безрелигиозная, светская часть планеты. Однако же европейское христианство не отступило и сохранило значительную часть своих позиций. Демократизация культурной и общественно-политической жизни, к которой церкви (в первую очередь, Католическая церковь и национальные православные церкви, государственные лютеранские церкви) приспособились всю вторую половину XX века, не уменьшила роль религии, а помогла ей стать новым важным элементом жизни европейцев. Традиционная развитость низовых демократических институтов в Европе, укорененность религиозных мотивов и ценностей в культуре, истории, в быту позволили найти свой европейский путь десекуляризации – через гражданскую активность и создание околоцерковных социальных институтов и новое социальное возрождение внутри церквей. Религия и, прежде всего, христианство показало, что демократия с ее институтами и ценностями – не препятствие, а основание для новой миссии, но не либеральной, а консервативной.

Христианство, как и во времена Реформации, вновь стало основой для религиозного возрождения в обществе, где тотальная религиозность вроде бы уже никому не нужна. Двигателем культурных, медийных и политических тенденций являются сетевые сообщества – в Интернете, в бизнесе, в

социальном служении и в религии, в том числе. Близость к нуждам конкретных людей стала основным капиталом церквей. И каждая церковь решала проблему реформирования своих структур в этом направлении по-своему. Залогом успеха нового социального возрождения религии стало то, что признание демократических ценностей в качестве оптимальных и наиболее близких по духу христианству, стало общим местом в мировоззрении абсолютного большинства европейских церквей.

В разделе «2.2. Социальное влияние христианских конфессий» отмечается, что в традиционно католических странах Европы церковь сохраняет свое политическое и культурное влияние. Исследователи выделяют, как правило, два исключительных случая сохранения религиозной практики в обществе и даже относительного роста интереса к церкви – это Италия и Польша. Акцент на социальном служении и соединении разорванных человеческих связей не столько на уровне прихода, сколько на уровне верующих и всех нуждающихся, является ключом к пониманию миссии Церкви в обществе. Причем, новой евангелизации не мешает европейский мультикультурализм и сложности воплощения миграционной политики в странах Евросоюза.

Лютеранские церкви Европы – это особый случай, либеральный вариант протестантизма в отличие от новой волны евангельского протестантизма. Прежде всего, потому что они представляют собой совершенно разные виды протестантского мировоззрения и практики, что обусловлено историческими и богословскими различиями. Новый протестантизм никогда не зависел от государства, в отличие от Лютеранских церквей Швеции, Норвегии, Финляндии или Германии. Новые евангельские общины критикуют лютеран за искажение Библии и экуменизм, и пользуются тем, что сами они, в отличие от лютеран, не привязаны к церковным структурам, апостольскому преемству, к определенному строю богослужения.

Развитие евангельского протестантизма уже отмечено социологам в качестве глобальной тенденции возникновения «независимых» («Independents») христианских церквей. Социологические данные говорят о том, что за довольно короткий исторический срок в 20-30 лет в странах Европейского Союза, в условиях секулярной политики властей, сложилась принципиально новая христианская конфессия (состоящая из церквей, которые называют себя просто христианскими, евангельскими, являются евангельскими христианами, баптистами, пятидесятниками, харизматами, адвентистами, пресвитерианами и т.д.). Цифры, касающиеся присутствия евангельских церквей, важно привести и потому, что их роль до сих пор недооценена.

Православие является третьей по численности и влиянию христианской конфессией в мире после католицизма и протестантизма. Но православие можно назвать самой европейской христианской силой, так как, в основном, верующие православных церквей сконцентрированы в Европе (в США, на Ближнем Востоке, в Азии православных меньшинство). По разным данным в среднем вместе с церквями Ближнего Востока в мире насчитывается до 250 млн

православных. Значительная часть из них проживает в России. Большинство населения относит себя к православным также в Белоруссии, Болгарии, Греции, Грузии, Кипре, Македонии, Молдавии, Румынии, Сербии, Украине, Черногории. Проблема укорененности православной веры в обществе стоит во всех этих странах. В рамках православия отсутствует столь централизованная система церковной иерархии, как у католиков, нет и столь мощных православных мирянских движений. Каждая из православных церквей в той или иной степени отстаивают свой национальный сегмент, а само общество постоянно дрейфует между культурной самоидентификацией и практической религиозностью. Однако децентрализация, сложности с жесткой унификацией приходской жизни являются также преимуществом православия, делают его более мобильным.

В России социальные перемены в рамках Русской православной церкви стали происходить во второй половине 2000-х гг., и выразителем этих процессов стал патриарх Кирилл, возглавивший Церковь в 2009 г. При новом предстоятеле были значительно увеличены формальные показатели – количество епархий, епископов и приходов. Безусловно, в России пока нет своих аналогов общественных движений, таких как католические мирянские движения. Тем не менее, к 2010-м гг. появился целый слой православной интеллигенции, как среди духовенства, так и мирян, для которой христианская жизнь в рамках общины, ценности Евангелия стали смыслом бытия. Активность мирян стала ключевой в возрождении прихода, в проповеди основных христианских ценностей.

В разделе «2.3. Религиозные институты в структурах Евросоюза: особенности религиозной политики» сделан вывод, что христианские церкви сумели преодолеть секулярные запреты в структурах Евросоюза и стали играть роль общественных движений, которые не только лоббируют свои интересы в органах власти, но и становятся посредниками в разрешении социально-политических проблем. Факторами, работающими на укрепление отношений церквей и структур ЕС, стали:

- эффективность общецерковных и окологрелигиозных структур как неправительственных организаций, играющих ключевую роль в построении демократического социально справедливого общества;

- социально-политические кризисы – миграционный, кризис доверия к институтам ЕС, кризис безопасности (рост экстремизма), кризис идентичности (объединивший общий кризис солидарности с кризисом идеологии ЕС), они сделали религиозные институты необходимыми для общества и власти медиаторами и источниками «новых смыслов» для восстановления доверия и усиления общей идентичности;

- противоречивость религиозной политики Евросоюза, где защита светскости может сочетаться с защитой религиозных фундаменталистов (как правило, меньшинств), запрет на проявления религии в публичной сфере для мусульман и христиан с борьбой с «исламофобией» и дискриминацией христиан в других странах, декларации об учете национальных интересов стран

ЕС с дискриминацией исторических церквей, имеющих государственные преференции (в Греции или в Италии), забота о «единстве Европы» с отказом от тесного и прямого сотрудничества с естественным ядром этого единства – христианскими церквями.

В третьей главе «Роль христианских церквей в разрешении социально-политических кризисов» в разделе «3.1. Христианский фактор в партийно-политической системе Европы» подчеркивается, что именно широта христиански окрашенного политического спектра подготовила современный этап вовлечения христиан в политику как напрямую, так и через провозглашение защиты религиозной идентичности Европы. Обращение к «традиционным ценностям» поставило вопрос о трансформации либеральной демократической системы. С одной стороны, это находит свое выражение в смягчении политики секулярной политкорректности (именно поэтому на этой почве возникает все больше конфликтов религиозных граждан и секуляристов) или даже в отсутствии таковой, как во многих странах Южной и Восточной Европы и в России. С другой стороны, либеральные политики вынуждены лавировать между интересами ислама (мусульман-мигрантов) и христианством, религиозными предпочтениями и светскостью, искать новые формы партнерства с церквями. При этом возникает диалектическое противоречие между либеральным духом «солидарности» ЕС и религиозной «солидарностью», где семейные ценности и культурная идентичность играют большую роль. В этих условиях политиками разных течений в качестве цементирующих общество могут восприниматься как заново осмысленные идеалы христианской демократии (субсидиарность, солидарность, социальная ответственность), так и традиционализм с элементами национализма и изоляционизма.

В разделе «3.2. Участие церквей в разрешении кризиса европейской интеграции» делается акцент на том, что единство европейского континента является для церковных институтов чем-то естественным и по большому счету не требующим дополнительных доказательств. Христианская идея лежала в основе создания Европейского сообщества, но оно стало развиваться по секулярному и либеральному пути, который подразумевает отсутствие религии в публичной политике. Многие церкви надеялись на то, что христианство будет упомянуто в так и не принятой Конституции ЕС, но эти надежды не оправдались, хотя религиозные организации и сохранили свой особый статус. Однако церкви в основной своей массе не осудили общеевропейский проект, а приложили все усилия, чтобы заявить о своих интересах и амбициях в рамках сообщества. Анализ церковных заявлений по поводу Евросоюза показывает, что у религиозных объединений существуют свои политические интересы, которые не стоит путать с интересами и идеями «правых популистов» или иных радикалов-евроскептиков.

Мировоззрение христианских церквей, безусловно, укладывается в различные оттенки евроскептицизма – от «мягкого» (внутренней критики) до «жесткого» (структурной критики), от еврооптимизма до евроотрицания.

Однако к этой градации добавляется еще ряд факторов: государственные (лояльные власти) церкви – еврооптимисты, глобалисты (католики) – европрагматики, религиозные меньшинства разделены на крайние полюса евроотказников и еврооптимистов. Одним из промежуточных итогов противостояния (и косвенного сотрудничества) христианства и популизма стало формирование христианских консервативных сил в обществе, как радикальных, так и умеренных. Католики, протестанты, частично православные прошли в XX веке длинный путь адаптации к демократическим институтам и выработки своих миссионерских, богословских и политических рецептов на вызовы глобализации, антирелигиозного по существу секулярного либерализма, информационного общества. Накопленный опыт не позволил различным церквям поддаться на ксенофобские лозунги ради идеи сохранения идентичности и традиции, что, безусловно, привело бы к маргинализации церковной позиции в ходе роста и падения популизма, который занял свою прочную, но скромную нишу в политическом спектре. Церкви использовали популистскую волну как шанс для укрепления в демократическом обществе, которое, казалось бы, уже «приватизировало» религию, ограничив ее рамками частной жизни. Однако именно популисты сделали христианский фактор значимым и политическим. Балансируя между политиками-либералами и политиками-традиционалистами церковные лидеры (в первую очередь, католики и протестанты) предлагают свою программу сохранения идентичности в мире (наднациональность, солидарность, милосердие), где политические и миссионерские интересы церкви представлены на разных континентах, а численность активных верующих больше за пределами Европы.

В разделе «3.3. Роль церквей в разрешении миграционного кризиса» отмечается, что участие христианских церквей в разрешении миграционного кризиса стало вдохновляющим примером для духовенства и верующих. Оказалось, что христианство и его институты не только не изгнаны из общества в результате секуляризации, но и востребованы обществом, нужны ему. Таким образом, процесс десекуляризации привел не только к возвращению церквей и религиозной тематики в публичную сферу, но и к интеграции околоцерковных гражданских институтов (проектов, движений, фондов и т.д.) в демократическую политическую систему при всей ее внешней безрелигиозности.

Ради расширения своей миссии и политического влияния многим христианским деятелям пришлось идти против общественного мнения, которое выступает за ограничение потока въезжающих в страны ЕС, части либеральных политических сил, которые стремятся минимизировать влияние миграционного и религиозного фактора, а также правых партий, которые настроены националистически. Но в итоге церковные миссии, пусть и не в столь массовом масштабе, стали не просто оазисами милосердия, но и центрами массовой ассимиляции в той или иной форме мигрантов разных категорий в европейских обществах. Новой основой идентичности современной Европы стала

многонациональность и церковная миссия, меняющая лицо христианства на континенте и отношение к «чужим» в самом разном смысле этого слова.

В четвертой главе «Роль христианских церквей в разрешении социально-политических кризисов на постсоветском пространстве» в разделе «4.1. Особенности социального служения и политической позиции Русской православной церкви» подчеркнуто, что постсоветское пространство является особым регионом в рамках исследования политической роли религиозных организаций. Государства этого региона отличает общее наследие – это различные формы подавления религии в советский период, вытеснение религиозного фактора из публичной сферы в сферу культуры, в виде одного из элементов архаичной традиции прошлого. Основные тенденции, характеризующие развитие стран бывшего СССР после падения коммунистической идеологии: возрождение этнорелигиозных традиций или их восстановление с нуля; религиозный бум, интерес к любым новым духовным течениям на фоне постсоветского идеологического вакуума; рост миссионерского, социального влияния тех религиозных направлений, которые исторически никогда им не обладали в постсоветских странах (к примеру, увеличение общественной роли протестантизма и католицизма в традиционно православных странах и протестантизма в традиционно мусульманских регионах); утверждение религиозного плюрализма как следствие религиозного бума и включения региона в процессы глобализации, когда Евразия стала ареной распространения, в том числе, транснациональных религиозных движений.

Христианские церкви на территории бывшего СССР принимают активное участие в выработке новой политической идентичности населения различных стран в этом регионе мира. Одним из ключевых общественных институтов на постсоветском пространстве является Русская православная церковь (РПЦ, Московский патриархат), включающая в себя поместные (национальные) церкви Украины, Белоруссии, Молдавии, республик Центральной Азии, Прибалтики, приходы в Западной Европе (а также целый ряд церквей в дальнем зарубежье – Японии, Китае, США, Латинской Америке). На религиозном поле основными партнерами РПЦ в рамках межрелигиозного диалога являются мусульманские объединения, как внутрироссийские, так и национальные и межрегиональные (Центральной Азии, Закавказья). Среди христианских конфессий РПЦ является наиболее крупным и влиятельным религиозным объединением. Влияние православия многогранно, его нельзя свести к какой-то отдельной сфере или же к позиции только церковной иерархии. Как и многие европейские церкви, РПЦ в 2000-е гг. стала активно заявлять о своей точке зрения по экономическим, социальным, культурным проблемам, по биоэтике и т.д. Основные черты восприятия Церкви и особенности ее общественной деятельности, существующие в России, характерны и для других республик, где православие является национальной (или одной из такого рода конфессий) религией (Молдавия, Украина, Белоруссия). Между тем, вопрос церковно-политических разногласий, в том числе, на уровне церковных иерархов и

политиков, более сложный – по сути РПЦ приходится иметь дело с новой реальностью, в рамках которой единство славянской православной цивилизации подвергается испытаниям.

Политическую роль Церкви можно назвать сложносоставным механизмом, в котором выделяются два полюса – идеологическая декларативная роль православия в сочетании с низкой практической религиозностью и находящаяся в стадии своего начального развития социальная роль РПЦ и религиозных организаций, повторяющая во многом социально-политическую эволюцию церквей Западной Европы.

Особенности социально-политической позиции РПЦ проявились в ходе российско-украинского кризиса. Он выявил как способность Церкви к самоорганизации и масштабным социальным проектам, так и амбивалентную позицию РПЦ, которая проявляет себя как государственническая сила внутри России, но проводит свою независимую внешнюю политику в стремлении сохранить единство РПЦ и поддерживать баланс интересов в рамках ситуации, которую можно назвать межправославным конфликтом внутри Украины.

Социальные проекты поставили новые цели и задачи перед церковными активистами и перед самим духовенством: более строгой организации приходской жизни, ориентации на сотрудничество с другими общественными организациями и конфессиями, создания возможностей для вовлечения активных верующих, в первую очередь, молодых людей, в жизнь общины и социальные проекты. Прежде всего, поддержка личных инициатив на местах перестала быть такой уж редкостью или же показателем из ряда вон выходящегося «либерализма» региональных архиереев или настоятелей больших приходов.

Наконец, социальная работы представителей Церкви не только сама формирует среду вокруг и внутри прихода, но и постепенно меняет отношение окружающего общества к Церкви, лишает почвы противопоставление РПЦ как института и Церкви как исполнительницы заповедей Христа. Это позволяет людям, скептически настроенным по отношению к православию или к католицизму, увидеть тот «образ христиан и христианской общины», открытой и милосердной, о которой люди читали в Евангелии или, по крайней мере, читали в литературе и видели в кино. Одновременно происходит кристаллизация социально-политической позиции РПЦ, основанной на защите собственных церковных интересов.

В разделе «4.2. Социально-политическая роль Католической церкви» отмечено, что католицизм сыграл ведущую роль в процессе трансформации Восточной Европы от авторитаризма к демократии, от социалистического лагеря к Европейскому Сообществу, а затем и к членству в Евросоюзе. Одним из самых ярких и хорошо исследованных примеров является Польша, где политические изменения на протяжении последних десятилетий проходят при участии представителей Церкви и католической общественности. В странах, где католики являются религиозным меньшинством, Ватикан опирается, прежде всего, на национальные диаспоры, принадлежащие к католической вере

и культуре (поляки, немцы, литовцы, белорусы, украинцы и т.д.). Данное утверждение полностью применимо к католическим приходам в Центральной Азии. Но в России, Белоруссии, Украине роль этнических меньшинств дополняется значимой для общества социальной и культурной политикой Католической церкви.

В разделе «4.3. Роль протестантских церквей в разрешении социально-политических кризисов» сделан вывод, что миссия протестантских церквей уже с конца 1980-х гг. стала наиболее заметным и новым явлением на евразийском пространстве наряду с ростом влияния (возрождением) национальных религиозных традиций. Участие церквей в общественной жизни России, Белоруссии, Украины стало наглядным примером участия христианства в политической жизни в условиях социально-политических кризисов в постсоветские десятилетия. Помимо этого, после длительного периода коммунистической атеизации религиозные институты в странах бывшего СССР стали играть важную социальную и гражданскую роль в качестве носителей демократических ценностей, также как это происходило и происходит в странах Евросоюза.

Евангельские протестантские церкви, несмотря на свою особую социальную и идеологическую роль в обществе, обладают целым рядом качеств, которые их делают также социальным раздражителем.

Во-первых, евангелисты, как правило, теряют свой политический потенциал и становятся аполитичными в рамках демократического или полуавторитарного государства, которое позволяет евангельским церквям заниматься минимумом миссионерской деятельности, а также осуществлять определенную часть благотворительных и социальных проектов.

Во-вторых, протестантам свойственно критическое или равнодушное отношение к культуре – к классической музыке, к науке, искусству, литературе (эта черта не касается лютеранских церквей). Часть евангельских деноминаций (к примеру, баптистов, пятидесятников, адвентистов, харизматов и т.д.) можно прямо обвинить в антиинтеллектуализме, который в советское время был обоснован еще и противостоянием атеистического общества и христиан.

В-третьих, евангельский протестантизм в своем богословии, миссионерской и социальной деятельности остается в значительной степени замкнутым движением. В силу своего консерватизма (в отстаивании библейских норм морали), представлений об исключительном спасении души в рамках своей деноминации, приверженности эксклюзивной доктрине того или иного церковного лидера именно своей деноминации – евангельские протестанты редко принимают участие в каком-либо межкультурном или богословском диалоге с другими конфессиями. Кроме того, в силу своей раздробленности евангельское движение представляет из себя сложную и противоречивую мозаику самых разнообразных по своим богословским и богослужебным оттенкам христианских деноминаций. Каждая из них может представлять собой один замкнутый церковный мир, обладающий качествами аполитичности (в условиях гонений меняется на гражданский активизм),

замкнутости (но при осознании себя частью общего евангельского движения, что помогает в развитии миссии), антиинтеллектуализме (со склонностью к мистицизму, пророчеству и откровениям, что продуцирует образы и идеи, позволяющие движению постоянно ощущать свой «первохристианский дух»). В рамках своего участия в разрешении социально-политических кризисов евангельские церкви и их лидеры воспринимают реальность в отражении своего богословия и особенностей церковной жизни.

Основными направлениями христианства, которые представлены, прежде всего, в России, Белоруссии, Украине, остаются православие (главным образом, Московский патриархат), католицизм и протестантизм в лице самой многочисленной евангельской волны. В силу исторических обстоятельств, институциональных особенностей и взаимоотношений с государством каждая из этих конфессий отвечает за свою часть многообразного политического процесса в обществе, где в последней трети XX в. прочно утвердился религиозный плюрализм. Во-первых, церковные структуры активно вступают в полемику с представителями органов власти, защищая нормы закона и демократические принципы, которые декларирует само государство (это особенно хорошо видно на примере новых мобильных, исторически не укорененных, евангельских церквей, для них патриотизм часто не связан с историческим прошлым, а миссионерский успех не связан с сохранением статуса «религии большинства»). Во-вторых, более гибкая линия политического влияния (в отличие от протестантской) прослеживается в деятельности Католической церкви: это распространение общеевропейских социальных и культурных программ Церкви на территории, где католики составляют меньшинство, но активность католиков выходит далеко за пределы прихода и привлекает несоизмеримо большее количество людей, чем могло бы прийти на мессу. В-третьих, церковная активность в лице Русской православной церкви позволяет адекватно отвечать на социальные вызовы, разрешать кризисы (связанные с социальными проблемами, беженцами и иммигрантами), пользуясь опытом европейских католиков и протестантов. Несмотря на различный политический опыт и возможности участия в публичных политических дискуссиях, разные церкви создают демократичную гражданскую среду. Активные граждане и институты, воспитанные этой средой, защищают религиозные нормы и интересы церквей, противопоставляя их «либеральной идеологии», но не демократическим ценностям.

В заключении сформулированы обобщающие выводы исследования

1. Религия является значимым фактором в международной политике, элементом национальной политической идентичности и демократической структуры общества. Религиозные институты проявляют свою политическую значимость в самых разных сферах жизни общества, а сами институты трансформировались в самые различные формы социальной и политической самоорганизации. Религиозные лидеры и религиозные активисты заняли разные уровни в рамках системы гражданского общества, а значит в рамках системы политической деятельности от участия в избирательных кампаниях до

дискуссий вокруг острых кризисных проблем Европы. Церковные структуры и в силу влияния идеологии либеральной демократии и в силу собственных общинных ресурсов стали проводниками гражданского активизма. Религиозные институты предложили свою систему развития церковной деятельности, которая не только совместима с демократизацией, но и вырастает в политическую структуру демократического общества.

Религиозные институты в современном секулярном мире, главным образом, христианские церкви Европы, обладают определенными политическими характеристиками, а их деятельность в рамках общественно-политического пространства воплощается в конкретных формах гражданской деятельности. Самым главным качеством, отличающим церкви прошлых веков от современных, является их стремление к гражданской религиозности, которая подразумевает: гражданский политический активизм, ответственность за пребывание в церковной (приход) или околоцерковной (движение, волонтерство) общности, отстаивание права на то, чтобы религиозные предписания, идеалы и нормы были частью демократического процесса.

Анализ научной литературы показывает, что появляется и новая область исследований, где объектом становятся церкви как институты гражданского общества и общественные организации и движения, ими созданные. В период обострения социально-политических кризисов религиозные институты начинают действовать как слаженная система, отстаивающая не столько узкие интересы церковного руководства, сколько всей системы институтов, сформированной вокруг церквей, как составной части демократического общества. Церковные и околоцерковные организации стали частью демократического общества и проявляют себя как гражданские институты, наряду с некоммерческими организациями и опережая их по своему влиянию и роли в политической самоорганизации общества на фоне слабости гражданских институтов и атомизации общества (особенно, это заметно на примере социальной и политической активности церквей на постсоветском пространстве).

2. Христианские церкви являются частью секулярной демократической системы, и активно участвуют в разрешении кризиса европейской идентичности. Церкви формируют новую наднациональную идентичность и сетевые формы религиозной деятельности, больше соответствующие глобальным вызовам, открытости и многонациональности европейского пространства, вызовам секуляризации, исламизации, религиозного плюрализма различных традиций и идентичностей. Для многих европейцев религия снова превращается из средоточия мифов в мир, где сталкиваются реальные социально-политические интересы и формируется национальная идентичность. Неприятие агрессивного секуляризма, неконтролируемая иммиграция, безработица и кризис доверия к институтам власти требуют от религии и религиозных лидеров чрезвычайной социальной активности и мобильности. Последовательная секуляризация европейской жизни и стремление отодвинуть религию на обочину гражданской жизни и современной культуры также

создали почву для роста консервативной религиозности (фундаментализма как «возвращения» к основам веры). К идее «возвращения» к «религиозным истокам» обращаются в целях «защиты идентичности» представители светского аналога этого церковного явления - популистской волны – «правые популисты». Фундаментализм, как в виде христианского, так и в виде исламского активизма, растет в условиях нескольких основополагающих факторов. Во-первых, это нарастающее недовольство секулярно-либеральной идеологией (демократией, которая провоцирует вседозволенность) в Евросоюзе и самой моделью Евросоюза на фоне экономического кризиса в ряде стран и миграционных проблем на всем европейском пространстве. Это недовольство является внешним проявлением сразу нескольких кризисов – европейской идентичности в целом, секулярной идеологии, христианской идентичности Европы. Во-вторых, это трансформация религиозной традиции Европы. Значимым политическим фактором стало то, что в религиозном плане Европа перестала быть мировым центром и средоточием христианской миссии, христианских трендов (формы и организации церквей, их миссий, перестала быть местом, где живет большинство верующих, где церкви сами создают общество и государство, и контролируют их мораль, как это было в Средние века и в Новое время, являясь неким идеалом для других народов). Европа стала периферией христианства, но сохранила свой культурный потенциал и способность к религиозному возрождению, необязательно христианскому (или христианскому, но в рамках иных неисторических церквей).

3. Христианские церкви сумели преодолеть секулярные запреты в структурах Евросоюза и стали играть роль общественных движений, которые не только лоббируют свои интересы в органах власти, но и становятся посредниками в разрешении социально-политических проблем на уровне ЕС. Факторами, работающими на укрепление отношений церквей и структур ЕС, стали: - эффективность общецерковных и околорелигиозных структур как неправительственных организаций, играющих ключевую роль в построении демократического социально справедливого общества; - социально-политические кризисы – миграционный, кризис доверия к институтам ЕС, кризис безопасности (рост экстремизма), кризис идентичности (объединивший общий кризис солидарности с кризисом идеологии ЕС), они сделали религиозные институты необходимыми для общества и власти медиаторами и источниками «новых смыслов» для восстановления доверия и усиления общей идентичности.

Однако сотрудничество институтов ЕС с церквями различных направлений показало, что они стали уникальным феноменом в постсекулярном обществе. Христианское сообщество предстало в виде комплекса гражданскими институтами, которые основываются на демократических ценностях, но при этом готовы корректировать демократическую политическую систему (ее без- или вненравственный характер и бюрократическую политкорректность), исходя из христианских моральных принципов и интересов церковной миссии;

4. Основными составляющими христианского отношения к европейской интеграции и различных граней евроскептицизма и еврооптимизма стали: защита евангельских ценностей, укоренных в Библии (что объединяет православных, католиков, консервативных протестантов-евангелистов); актуализация христианских корней Европы (что объединяет православных, католиков, в более либеральном духе лютеран, в меньшей степени – протестантов-евангелистов, которые больше сосредоточены на общинной деятельности); сохранение национальной самобытности против посягательств либеральной бюрократии (что объединяет православных и в меньшей степени католиков). У каждой конфессии свое сочетание этих претензий к Евросоюзу и выстроены они в различном порядке по степени приоритета.

5. Одним из итогов противостояния (и косвенного сотрудничества) христианства и представителей популистской волны 2010-х гг. стало формирование христианских консервативных политических сил в обществе, как радикальных, так и умеренных, которые используют фактор религиозной идентичности. Католики, протестанты, частично православные прошли в XX веке длинный путь адаптации к демократическим институтам и выработки своих миссионерских, богословских и политических рецептов на вызовы глобализации, антирелигиозного (или равнодушного к вере) секулярного либерализма, информационного общества.

6. Политическая программа церквей, даже тех, кто превыше всего ставит защиту национальной самобытности, как в случае с православными церквями, включает в себя заботу об иммигрантах и участие в их интеграции в европейское общество. Новой основой идентичности современной Европы стала многонациональность и церковная миссия, меняющая лицо христианства на континенте.

7. Христианские церкви постсоветского пространства получили возможности для социального развития и выработки собственного политического мировоззрения намного позже, чем церкви Западной Европы. Если западноевропейские церкви постепенно приспосабливались к системе либеральной демократии и участвовали частично в ее создании в послевоенное время, то церкви Восточной Европы и России стали акторами процессов политической трансформации с конца 1980-х гг. Отличительными чертами церквей постсоветского пространства стал традиционализм, богословский и политический консерватизм, идеологизация религии, конфессионализация политики. Двумя полюсами политического церковного спектра можно назвать евангельский протестантизм, который стал носителем ориентированного на Запад демократического мировоззрения (поэтому евангелисты являются важным индикатором политического развития), и православие, которое стало носителем ценностей традиционализма и элементом идеологии консервативного большинства. Европейское влияние отразилось, в основном, на социальном мировоззрении Русской православной церкви и лишь в 2000-е гг. Поскольку многие особенно сложные формы социальной работы в РПЦ начинались с чистого листа, то рецепция зарубежного и иноконфессионального

опыта была неизбежна. Особенно ярко это проявилось в сфере реабилитации нарко и алкозависимых, в создании кризисных семейных центров, приютов и т.д. Протестантские и католические методики с различной степенью успеха были адаптированы к православной среде и богословским особенностям. На основе этих методик было создано и создается многообразие форм социальной работы в РПЦ.

Можно без преувеличения сказать, что социальное служение на уровне приходов, монастырей, епархий изменило жизнь РПЦ. Волонтерские проекты, которые развиваются в том же алгоритме (от общины к активистам и околоприходским проектам), как и аналогичные инициативы католиков и протестантов в Западной и Восточной Европе, привлекли в церковь массу новых людей, не совсем или даже совсем не воцерковленных, но готовых помогать в рамках церковных проектов, и, как правило, постепенно становящихся прихожанами. Социальные проекты поставили новые цели и задачи перед церковными активистами и перед самим духовенством: более строгой организации приходской жизни, ориентации на сотрудничество с другими общественными организациями и конфессиями, создания возможностей для вовлечения активных верующих, в первую очередь, молодых людей, в жизнь общины и социальные проекты. Прежде всего, поддержка личных инициатив на местах перестала быть такой уж редкостью или же показателем из ряда вон выдающегося «либерализма» региональных архиереев или настоятелей больших приходов.

8. Политизация религиозной жизни в странах постсоветского пространства воплотилась в стремлении церковных структур стать частью публичной политики и оказывать на нее влияние, а также формировать вокруг церквей сети гражданской религиозности, которая стала новой формой миссии и социального развития религиозных институтов. Отличие постсоветских стран в том, что социально-политические кризисы более выпукло проявляют позиции разных церквей, их взаимоотношения с властью, меняют социальное и политическое мировоззрение в том же самом направлении, в каком развиваются и церкви стран, которые входят в Евросоюз или же находятся на пути в ЕС: гражданская активность и включение или постепенная адаптация к демократическим институтам в новом глобальном политическом и информационном поле.

Сделанные выводы позволяют сформулировать ряд рекомендаций для дальнейшего исследования. Новые концептуальные подходы, примененные в рамках исследования роли христианских церквей в разрешении социально-политических кризисов в Европе, помогают по-новому оценить влияние и значение религиозного фактора в обществе и в политических дискуссиях, христианского мировоззрения как идеологии, в разной степени отражающей демократические нормы. Автором по существу представлен новый социолого-политологический подход к исследованию религиозных и околорелигиозных институтов. Этот подход может способствовать

всестороннему анализу политического влияния религии в мире и особенностей развития религиозных идеологий в современном мире.

В рамках работы сделан важный вклад в методологию исследования политической роли религии в современных социально-политических процессах, эволюции христианства в глобальном мире, христианских церквей в Европе, включая Европейский Союз и постсоветское пространство. Выявлены функциональная роль и содержание деятельности христианских церквей, определены параметры рассмотрения церковной активности в рамках институционального подхода.

ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ ОПУБЛИКОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ РАБОТЫ:

Монографии:

1. Филатов С.Б., Лункин Р.Н., Деннен К. Религиозно-общественная жизнь в российских регионах. [коллективная моногр.] / Кестонский институт. – М., СПб.: «Летний сад». – Т. I, 2014. – 620 с.; Т. II, 2016. – 510 с.; Т. III, 2018. – 468 с.
2. Лункин Р.Н., Загребина И.В. Религия и право в современной России. М.: ИД «Юриспруденция», 2017. – 256 с.
3. Религиозные миссии на общественной арене: российский и зарубежный опыт: [коллективная моногр.] / Центр по изучению проблем религии и общества ИЕ РАН; под ред. А. А. Красикова и Р. Н. Лункина. – М.: ИЕ РАН, 2016. – 336 с.
4. Монтаж и демонтаж секулярного мира / под ред. А. Малашенко и С. Филатова; [коллективная моногр.] / Моск. Центр Карнеги. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2014. – 406 с.
5. Религия и российское многообразие / Науч. ред. и сост. С.Б. Филатов [коллективная моногр.] / Кестонский институт. – М.; СПб.: «Летний сад», 2011. – 688 с.
6. Лункин Р.Н., Филатов С.Б. и др. Атлас современной религиозной жизни России [коллективная моногр.] / Кестонский институт. – М., СПб.: «Летний сад». – Т. I, 2005. – 620 с.; Т. II, 2006. – 686 с.; Т. III, 2009. – 863 с.
7. Религия и глобализация на просторах Евразии / под ред. А. Малашенко и С. Филатова [коллективная моногр.]. – 2-е изд. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Моск. Центр Карнеги, 2009. – 341 с.
8. Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания / Филатов С.Б., Бурдо М., Лункин Р.Н. и др. [коллективная моногр.] / Кестонский институт. – М.: ИД «Логос». – Т. I, 2004. – 327 с.; Т. II, 2003. – 478 с.; Т. III, 2005. – 463 с.; Т. IV, 2006. – 365 с.

Главы монографий:

9. Лункин Р.Н. Религии в современном мире: европейская демократия на пороге религиозной трансформации // Европа XXI века. Новые вызовы и риски. Громыко А.А., Фёдоров В.П., Журкин В.В., Носов М.Г.,... Лункин Р.Н. и др. [коллективная моногр.] / Сер. «Старый Свет – новые времена»; ФГУБН ИЕ РАН. – М., 2017. – С. 100-122.
10. Лункин Р.Н. Гражданская религия в России: мифы и страхи постсоветского общества // Религия и право в современной России. – М.: ИД «Юриспруденция», 2017. – С. 5-32.
11. Лункин Р.Н. Протестантизм в России: новая сила гражданского общества // Религия и российское многообразие / Науч. ред. и сост. С.Б.

Филатов. [коллективная моногр.] / Кестонский институт. – М.; СПб.: «Летний сад», 2011. – С. 220-254;

12. Лункин Р.Н. Протестантизм и глобализация на просторах Евразии // Религия и глобализация на просторах Евразии / под ред. А. Малашенко и С. Филатова. – 2-е изд. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); [коллективная моногр.] / Моск. Центр Карнеги, 2009. – С. 91-125.

13. Лункин Р.Н. Новые религиозные движения в России: христианство и постхристианство в зеркале новых богов и пророков // Двадцать лет религиозной свободы в России / под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С. 330-394.

14. Лункин Р.Н. Протестанты и политические конфликты в Евразии: спасение душ и управляемая демократия // Религия и конфликт / под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – С. 175-222.

15. Лункин Р.Н., Филатов С.Б. Конец 90-х: возрождение религиозной нетерпимости // Нетерпимость в России: старые и новые фобии. – М.: Московский Центр Карнеги, 1999. – С. 136-150.

16. Lunkin R. The Status of and Challenges to Religious Freedom in Russia. Chapter 6. The Future of Religious Freedom: The Global Challenges. Edited by Allen D. Hertzke. Oxford University Press, 2012. – P. 157-183 – DOI:10.1093/acprof:oso/9780199930890.003.0007

Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах, включённых в список ВАК Минобрнауки России:

17. Лункин Р.Н. Европейский вектор политики Русской православной церкви: особенности становления в постсоветский период // Вестник РУДН. Серия: Политология. – Том 20, № 2 (2018). – С. 278-287. – DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-2-278-287>.

18. Лункин Р.Н. Религия и европейский популизм: христианский фактор в политических дискуссиях // Современная Европа. – 2018. – №1. – С. 102-113.

19. Лункин Р.Н., Филатов С.Б. Межконфессиональные различия в Европе и новые идеологические противостояния // Современная Европа. – 2018. – №3. – С. 102-114. – DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32018102114>;

20. Лункин Р. Н. Русское православие перед лицом социальных вызовов: волонтерство и христианская реабилитация групп риска // Вестник Пермского университета. Политология. – 2018. – №2. – С. 156-171. – DOI: 10.17072/2218-1067-2018-2-156-171.

21. Лункин, Р.Н. Церковь и внешняя политика: от «русского мира» к глобализации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2018. – Т. 45. – № 1. – С. 165-175.

22. Лункин Р. Евроскептицизм среди христианских церквей: между мечтой о «единой Европе» и защитой религиозных ценностей // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2018. – № 8. – Т. 62. – С. 35-43. – DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-8-35-43.
23. Лункин Р.Н. Крымские татары: от национальных амбиций к религиозному самоопределению // *Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение*. – 2018. – Т. 23. – С. 80-89. – DOI: <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.23.80>.
24. Лункин Р.Н. Европейские христианские церкви перед лицом миграционного кризиса // *Вестник Московского университета. – Серия 25: международные отношения и мировая политика*. – 2017. – Т.9. – №2. – С. 37-64.
25. Лункин Р.Н. Религиозное многообразие Крыма после 2014 года // *Современная Европа*. – 2017. – № 3 (75). – С. 158-159.
26. Лункин Р.Н. Религиозные ценности в секулярном обществе // *Современная Европа*. – 2017. – № 6 (78). – С. 156-159.
27. Лункин Р.Н. Религиозный фактор в международной повестке дня и Россия // *Современная Европа*. – 2017. – № 4 (76). – С. 157-159.
28. Лункин Р.Н. Европейские церкви и демократические институты: возвращение религии или секуляризация христианства? // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. – 2016. – Т. 3. – С. 168-179.
29. Лункин Р.Н. Религиозный фактор и формирование демократического общества // *Современная Европа*. – 2016. – № 2 (68). – С. 145-150.
30. Лункин Р.Н. Миссии милосердия: социальное служение церквей // *Современная Европа*. – 2016. – № 4 (70). – С. 154-158.
31. Лункин Р.Н. Европа в контексте религиозной свободы // *Современная Европа*. – 2015. – № 1 (61). – С. 152-156.
32. Лункин Р.Н. Религиозные миссии как вызов обществу // *Современная Европа*. – 2015. – № 3 (63). – С. 148-151.
33. Лункин Р.Н. Россия и Европа в условиях кризиса // *Современная Европа*. – 2015. – № 2 (62). – С. 142-144.
34. Лункин Р.Н. Евангельские церкви России и общество: Реформация для «малой родины» // *Современная Европа*. – 2014. – № 4 (60). – С. 136-148.
35. Лункин Р.Н. Российский протестантизм: евангельские христиане как новый социальный феномен // *Современная Европа*. – 2014. – № 3 (59). – С. 133-143.
36. Лункин Р.Н. Преодоление ксенофобии на религиозной почве: российский и европейский опыт // *Современная Европа*. – 2014. – № 1 (57). – С. 144-147.
37. Лункин Р.Н. Религия и демократия // *Современная Европа*. – 2014. – № 1 (57). – С. 148-149.

38. Лункин Р.Н. Религия и социальные конфликты: опыт религиозной политики России и Евросоюза // Современная Европа. – 2014. – № 3 (59). – С. 149-152.
39. Лункин Р.Н. Религия в секулярном обществе. Российско-британские полевые исследования // Современная Европа. – 2014. – № 2 (58). – С. 151-152.
40. Лункин Р.Н. Религия и европейские правовые ценности // Современная Европа. – 2013. – № 3 (55). – С. 144-148.
41. Лункин Р.Н. Церковь и общество в Швеции: современный шведский либерализм и консерватизм // Современная Европа. – 2011. – № 2 (46). – С. 125-137.
42. Лункин Р.Н. «Русские» регионы: степень православности и политические ориентации // Социологические исследования. – 2008. – № 4. – С. 27-36.
43. Лункин Р.Н., Филатов С.Б. Трагедия российских немцев и российская религиозность // Современная Европа. – 2007. – № 4 (32). – С. 114-121.
44. Лункин Р.Н., Филатов С.Б. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. – 2005. – № 6. – С. 35-45.
45. Лункин Р.Н., Филатов С.Б. Рериховское движение в России: восстановление связи времен // Вопросы философии. – 1999. – № 12. – С. 63-73.
46. Лункин Р.Н. «Проправославный консенсус» в России: вера и неверие // Современная Европа. – 2008. – № 1 (33). – С. 139-143.
47. Лункин Р.Н. Восток и Европа: на пути к диалогу цивилизаций // Современная Европа. – 2008. – № 2 (34). – С. 140-141.

Список статей и научных публикаций в журналах и сборниках:

48. Лункин Р.Н. Статистика европейской религиозности: от секуляризации до триумфа идентичности // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2018. – №3. – С. 171-178.
49. Лункин Р.Н. Религиозная политика лидеров ведущих стран ЕС в свете миграционного кризиса // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2018. – №3. – С. 185-189.
50. Лункин Р.Н. «Каритас» в России: католический опыт работы с мигрантами // Русское ревью Кестонского института. – 2017. – № 72. – URL: <http://www.keston.org.uk/russianreview.php>.
51. Лункин Р.Н. Церковь мегаполиса: христианская миссия в разных пространствах // Русское ревью Кестонского института. – 2017. – № 72. – URL: <http://www.keston.org.uk/russianreview.php>.
52. Лункин Р.Н. Украина: конфликт внутри православия // Русское ревью Кестонского института. – 2015. – №66. – URL: <http://www.keston.org.uk/russianreview.php>.

53. Лункин Р.Н. Лютеранская Церковь: от немецкой идентичности к христианской открытости // Русское ревью Кестонского института. 2014. – №62. – URL: <http://www.keston.org.uk/russianreview.php>.

54. Лункин Р.Н. Российские протестанты и Украина: испытание патриотизмом // Русское ревью Кестонского института. – 2014. – №63. – URL: <http://www.keston.org.uk/russianreview.php>.

55. Lunkin R. The Ukrainian Revolution and Christian Churches // The East West Church & Ministry Report. – Volume 22. – No. 3 (Summer 2014). – <http://eastwestreport.org/pdfs/ew22-3.pdf>.

Работы, опубликованные в материалах всероссийских и международных конференций:

56. Лункин Р.Н. Церковная миссия среди мигрантов: горе как тест на веру и демократию // Современная Италия: старые проблемы, новые. [отв. ред. Е.А. Маслова]. – М.: ИЕ РАН, 2018. – (Доклады Института Европы; № 349). – С. 79-91.

57. Лункин Р.Н. Православный фактор в Евразии: от русского мира к глобализации // Социокультурный аспект евразийской интеграции Евразийский Гражданский Альянс: сборник научных статей; АНО «Евразийское содружество». – Белгород, 2017. – С. 372-394.

58. Лункин Р.Н. Государство и церкви в странах ЕС: религиозное многообразие против секуляризма // Сохранение религиозных ценностей и трансформация российского социума: поиск конструктивных взаимоотношений общества и религиозных объединений / Под ред. О.Ю. Гончарова, И.А. Шалобиной. – М.: Институт Европы РАН, 2014. – С. 157-169.

59. Лункин Р.Н. Инославные христиане на карте России: вера в Бога в постправославной стране // Секуляризм и религиозная свобода – противостояние или партнерство / Под ред. А.А. Красикова. – М.: Центр по изучению проблем религии и общества Институт Европы РАН, 2013. – С.186-208.